

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Покорив Древний Вавилон,
великий Александр
Македонский разбил статую
верховного божества Мардука
и приказал из ее осколков
отчеканить монету – статир.
Через сотни веков
приверженцы языческих
богов разыскивают античную
монету, ведь Мардук до сих
пор требует мести...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Монета Александра Македонского

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Монета Александра Македонского

«ЭКСМО»

2013

Александрова Н. Н.

Монета Александра Македонского / Н. Н. Александрова —
«Эксмо», 2013 — (Артефакт & Детектив)

В древнем Вавилоне существовало поверье: «Тот, кому бог Мардук отдаст свое сердце, будет владеть всем миром». Великий полководец Александр Македонский не привык ждать милостей от грозных божеств – одним ударом меча разрубил статую и сам забрал сердце Мардука, а заодно и большую часть Древнего мира. Из сердца бога отчеканили монету – статир, обладающую необыкновенной властью над людьми... У Антонины всегда были плохие отношения с матерью, а после смерти отца они и вовсе испортились – до такой степени, что мать выселила Тоню в коммуналку и отказалась от общения с дочерью. Тонина жизнь покатила вниз по наклонной плоскости. И в тот самый момент, когда, казалось бы, выхода уже нет, Тоня получила наследство от неизвестной ей тетки – антикварный магазин в центре Питера и небольшую квартиру над ним. Но в магазин принялись наведываться подозрительные личности, требующие от Тони старинную античную монету...

© Александрова Н. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Наталья Александрова

Монета Александра Македонского

– Представляешь, мама, директор вынуждена была со мной согласиться!

Произнеся эти слова, муж оглушительно рассмеялся, и я поскорее закрыла глаза, чтобы не видеть мужа смеющимся. Глаза его при этом становились узкими, как у китайца, а рот, наоборот, ненатурально растягивался, как у клоуна. И сам смех – высокий, дробный, как будто рассыпали по столу мелкий горох, – едва не заставил меня передернуться. Перед глазами возникла эта самая куча гороха – сухого, червивого... Я с детства ненавижу гороховый суп.

– Сыночек мой! – нежно проворковала свекровь. – Ты как всегда на высоте!

Я поскорее открыла глаза, чтобы не видеть перед глазами жуткий горох. И тотчас перехватила взгляд свекрови. Иногда было забавно наблюдать за тем, как меняется этот взгляд. Если свекровь смотрит на своего сыночка, то в глазах ее всегда немое обожание, и ласка, и нежность. Если же свекровь смотрела на меня, то тут все было совсем не так. Взгляд ее был сладкий, как сахарный сироп. Причем сироп не от вишневого варенья или, скажем, черничного. Нет, варенья, например, из зеленых кабачков, когда-то в детстве мать один раз сварила такую гадость и больше уже никогда так не делала, потому что есть это было невозможно, так и скисли три банки в буфете.

Если же свекровь ненароком забывалась или мне удавалось перехватить ее взгляд, когда она думала, что ее никто не видит, то во взгляде этом было легкое презрение вкупе с настороженностью. Свекровь меня не то чтобы опасается, но постоянно начеку. Держит, в общем, руку на пульсе.

Раньше меня это даже забавляло, раньше, когда-то давно, года полтора назад. Почти сразу после того, как я вышла замуж. Теперь же все просто противно.

Муж наконец перестал смеяться и не то чтобы сильно похорошел, но смотреть на него можно было без содрогания. Но недолго, потому что он стал пить кофе, налитый мамой. Кофе был слабый, да еще разбавлен молоком, и приторно сладкий, муж пил его из большой кружки, блаженно жмурясь, отчего глаза его снова сделались узкими щелочками. Еще он громко причмокивал и сглатывал.

Против воли я воочию увидела, как бурда, именуемая в этом доме кофе, проходит через его горло, падает в пищевод... что там дальше... желудок, кажется...

Я так резко вскочила со стула, что он упал с оглушительным грохотом на пол.

– Тонечка, ты кофе будешь? – нарочито ласково спросила свекровь.

– Нет, лучше чай, – сквозь зубы ответила я и положила в чай два ломтика лимона.

– Тебе нехорошо? – встревоженно спросила свекровь. – Болит что-нибудь?

– Все в порядке, – я глотнула горячего чая, обожглась и немного пришла в себя, – подавилась просто.

Свекровь поглядела пристально, так что мне захотелось показать ей язык или прыснуть чаем, как в детстве мы баловались водой. Положение спас муж.

– Мамуля, можно мне еще кофе? – спросил он, и свекровь тут же переключилась на своего обожаемого сыночка.

Я закусила лимон, скулы тотчас свело от кислого, зато тошнота отпустила. Страх свекрови написан у нее на лбу огромными буквами: она боится, что я забеременею. Ребенок ей не нужен – это создаст дополнительные проблемы. Она так боится появления ребенка, что не в силах этого скрыть.

Тошнота появилась у меня несколько месяцев назад. Вот также утром я сидела за завтраком напротив своего мужа и смотрела, как он ест манную кашу.

Манную кашу я тоже ненавижу с детства, просто терпеть не могу. Не подумайте, что я такая капризуля, просто у каждого нормального человека есть две-три вещи, которые он не выносит. Физически не выносит. Моя подружка Ленка Соловьева, к примеру, терпеть не может кипяченое молоко, даже запаха его не выносит. Если у соседней молоко сбежит, то ей прямо плохо делается. Даже к врачу ее в детстве водили, врач сказал – такое явление называется идиосинкразией. Вроде как аллергия, только психологическая.

И вот, сидела я тогда напротив мужа и старательно отводила глаза от его тарелки, потому что мало того что он ел манную кашу, главное – *как* он ее ел. Сначала он сделал в каше небольшую ямку, и свекровь налила туда ложечку растопленного масла. Потом он аккуратно посыпал кашу сахаром, тщательно следя, чтобы ненароком не попасть в масло. Дальше, полюбовавшись на свою ювелирную работу, муж начал осторожненько проедать в каше ходы и дорожки, как мыши делают это в сыре, если, конечно, им улыбнется счастье и посчастливится наткнуться на целую головку сыра.

Свекровь с улыбкой умиления смотрела тогда, как ее ненаглядное сокровище возится с кашей, а муж еще при этом непрерывно говорил. Пересказывал свои сложные и высокие отношения с директором школы, последними словами ругал завуча, отпускал нелицеприятные замечания об учителях.

Муж работает учителем в средней школе, что находится у нас во дворе. Преподает русский язык и литературу. Свекровь глубоко убеждена, что его в школе ценят, потому что он – замечательный преподаватель. Впрочем, она считает, что ее сыночек замечателен во всем. Я же с некоторых пор думаю, что просто в школе так не хватает учителей, что мало-мальски приличный непьющий мужчина там на вес золота.

В процессе своего монолога, потому что свекровь только поддакивала и улыбалась, муж уронил ложку, она упала на стол, и вот, глядя на ошметки манной каши на клеенке, я вдруг почувствовала, что сейчас меня вырвет. Вот прямо сюда, на ту же клеенку.

Едва хватило времени, чтобы выскочить из-за стола и добежать до ванной. Там я умылась холодной водой, и тошнота отступила. Муж ничего не заметил, но свекровь поглядела на меня с тревогой.

Следующий раз это снова случилось за завтраком, на этот раз муж ел оладьи с малиновым вареньем и снова непрерывно говорил, пересказывая в лицах явление в школу комиссии из РОНО. В процессе разговора он выронил изо рта кусок оладьи, и, увидев, как он шлепнулся на тарелку, разбрызгивая вокруг капли малинового сиропа, я снова вынуждена была выбежать из-за стола.

Муж снова ничего не заметил, а свекровь перехватила меня на выходе из ванной и спросила вполголоса, не беременна ли я. Я помотала головой и поскорее ускользнула на работу. По дороге прикинула по датам и уверилась, что беременности наступить никак не могло, уж не так часто мы с мужем занимаемся сексом. Тест тоже ничего не показал, и на душе у меня полегчало, но, с другой стороны, всякое может случиться, и я взяла у Ленки Соловьевой телефон ее гинеколога – не хотелось идти в районную консультацию.

Доктор внимательно меня выслушала и осмотрела, сказала, что по ее части все в порядке, и назначила обследование и анализы. В общем, я оставила в этой клинике кучу денег и получила бумажку, в которой было написано, что я здорова и не беременна. Тошнота по утрам, однако, продолжалась с завидным постоянством. Свекровь бесконечно приставала с расспросами, и даже моя справка ее не слишком успокоила.

Если бы она знала, насколько категорически я страстно не хочу ребенка от ее сына, она бы так не изводилась.

Я продолжала теряться в догадках, что это на меня нашло, когда в один прекрасный день меня осенило: все дело в муже. В самом деле, глупо было бы думать, что так на меня действует обычная еда. Ну, ненавижу я манную кашу, так ведь не ем же ее! И ежедневно перед

моими глазами проходит множество различных продуктов разной степени привлекательности и свежести. Именно проходит, то есть непрерывно движется по ленте транспортера.

Я работаю кассиршей в продуктовом магазине. Не в большом супермаркете, где порядка и чистоты побольше, а в обычном сетевом магазине. Ходят к нам пенсионеры и вообще небогатые люди, ошибочно думая, что у нас дешевле. Может, конечно, и дешевле, но качество гораздо хуже.

Вот вчера одна бабуся взяла с полки рваный пакет с сахарным песком, да еще и разбила туда банку с томатным соусом. Все это оказалось возле моей кассы, так я и глазом не моргнула!

Рядом с нашим магазином находится «Макдоналдс». Я спокойно отношусь к запаху сомнительных подгорелых котлет, привыкла уже. Так что еда ни при чем, все дело в муже. А тошнит меня за завтраком, потому что к совместному нашему ужину я приползаю настолько усталая, что мне уже все до лампочки. Как он там ест, о чем разговаривает с мамашей – мне по барабану.

Со временем я научилась успешно сдерживать позывы тошноты, лимон в таких случаях помогает или клюква. В общем, если у Ленки Соловьевой идиосинкразия на кипяченое молоко, то у меня – на собственного мужа.

Вы спросите, отчего я не пытаюсь устранить источник раздражения? Казалось бы, чего проще: если видеть его не можешь, тошнит тебя от него, наружу выворачивает, а детей у вас нет – так разоидитесь красиво, и дело с концом!

И куда мне деваться? Снимать квартиру? С моей зарплаты кассирши? Это нереально. Или же разменивать эту вот, где мы живем с мужем и свекровью?

Тут все не так просто. Точнее, все сложно. А с моей невезучестью и глупостью это почти невозможно. Да что там почти, совсем никак.

Я повернулась к свекрови спиной и допила чай с лимоном.

– Тонечка, ты не опоздаешь? – спросила она. – Витюша-то не торопится сегодня...

Можно подумать, что когда-нибудь ее Витюша торопится! Сам хвастался, что ходит только ко второй паре, с завучем воевал, но своего добился. А сейчас лето, экзамены, так что он вообще не каждый день в свою школу таскается. Репетиторством он не занимается из принципа, говорит, что настолько хорошо объясняет материал, что не понять его может только полный дурак, а такому и репетиторство не поможет.

Ну, теперь школьники пошли продвинутые, все экзаменационные задания из Интернета скачают. Ладно, меня от этих школьных терминов тоже тошнит. И от сладкого голоса свекрови. Ишь как выпекает: сыночек, Витюша, а то еще – Витеночек! Вообще-то его зовут Виталий. Так и спрашивают по телефону мамыши двоечников: «Можно Виталия Евгеньевича?» Ненавижу.

Самое главное, что ненавидеть и злиться можно в данном случае только на себя, потому что, по большому счету, муж ничего мне плохого не сделал. Хорошего, кстати, тоже, но это вопрос субъективный, здесь у каждого свое мнение. Его мамаша убеждена, что само присутствие ее сына в моей жизни уже должно меня радовать до колик в животе. Или до тошноты.

Усилием воли я отогнала от себя эти мысли, потому что они приведут только к тому, что я и вправду опоздаю на работу. А менеджер Зойка такая стерва, выдумала систему штрафов: за каждые пять минут опоздания снимает проценты с премии.

Не подумайте, что все это время я стояла столбом и занималась самокопанием. Нет, я успела между делом одеться и накраситься, торопливо всунула ноги в босоножки и выскочила из дома. Только на лестнице я услышала, как капли дождя стучат по металлическому подоконнику, и вернулась за зонтиком. Хотела переодеть кроссовки, но сообразила, что на мне юбка, в общем, пока искала джинсы, еще шнурок запутался... Время катастрофически поджимало, я бегом спустилась по лестнице и налетела на почтальоншу.

– Девушка, вы ведь из двенадцатой квартиры? – спросила она, исподлобья разглядывая меня.

– Ну да! – Я застыла на пороге.

– Гусакова А. А. – это случайно не вы? – Она смотрела с непонятым недоверием.

– Ну, я... – нетерпеливо повторила я, – в чем дело?

– Это вы, значит, к Шерстоуховым въехали, – констатировала она.

Шерстоуховы – это мой муж и свекровь, когда я выходила замуж за Виталия, решила не менять фамилию, не нравилась она мне. Свекровь согласилась, и только потом я поняла почему.

– Соседка их, значит, вы будете... – не отставала почтальонша.

Въехала я в двенадцатую квартиру почти два года назад, и теперь уже не соседка, а жена, член, можно сказать, семьи. А почтальонша про это не знает, потому что мне никто не пишет писем и газет я не получаю. И посылки мне никто не шлет.

– Слушайте, я на работу опаздываю! – не выдержала я. – Что вы хотели-то?

– Я-то ничего не хотела, – мгновенно обидевшись, сказала почтальонша, – а тебе, между прочим, письмо пришло, заказное. А если ты и взять его не хочешь, так я тогда извещение в ящик опущу, а ты сама в отделение наше приходи.

– Ой, мне некогда! – вскричала я. – Давайте сейчас!

– А я не нанималась письма заказные просто так носить, – тетка вошла в раж, – ноги отваливаются!

Я поняла все правильно и полезла за кошельком. Почтальонша выдала мне желтый конверт с напечатанным адресом – все верно: «Казанская улица, дом пять, квартира двенадцать, Гусаковой А. А.»

Вместо обратного адреса стоял смазанный штамп, я разглядела только слово «нотариус».

Запихивая конверт в сумку, я поглядела на часы и охнула – теперь я точно опоздаю!

Маршрутка ушла, пришлось ехать на автобусе, и народ так давился, что нечего было и думать достать из сумки конверт, я плотно прижала сумку к груди и на всякий случай волком поглядела на мужичка с бегающими глазками, отиравшегося рядом.

– Девушка, – тотчас закричал он, – вы что это так на меня смотрите? Вы что это подумали?

– Отвали, – посоветовала дородная тетя, стоящая рядом, – отвали, козел, а то как врежу!

Мужичка как ветром сдуло. Казалось бы, в такой толпе не повернуться, а вот поди ж ты... ..

На рабочее место я опоздала на пятнадцать минут.

– Рекорд! – с непонятым выражением прошептала Катерина, сидевшая за соседней кассой. – Слушай, Зойка уже изошла на дерьмо, мало тебе не покажется...

В магазине по утреннему времени народу было немного. Хоть пенсионеры и ранние пташки, сейчас лето, многие подались на дачу, на огороды.

Я прошла прямо в зал, не заходя в подсобку, чтобы не сталкиваться с менеджером, поэтому не успела переодеться. Нам полагается форма – уродские белые блузки с красным воротником и логотипом магазина на кармашке. Летом в них жарко, а зимой холодно, но начальство распорядилось, и приходится носить.

К моей кассе нетвердой походкой подошел мужичок со следами сильного похмелья на лице. В руках он держал две бутылки пива. Рабочий день начался.

Официального обеда у нас нету, но каждые два часа полагается перерыв на десять минут – освежиться, покурить кому надо, можно кофейку выпить или съесть что-нибудь, если успеешь. Рыжая Зойкина голова появлялась в зале, на меня она не смотрела, но весь персонал прекрасно знает, что наша Зоя никогда ничего не забывает и ничего никому не прощает. Как говорят, она не злопамятная, а просто злая и память у нее очень хорошая.

Я ждала своего перерыва с нетерпением – переодеться нужно и поглядеть, что же там, в заказном письме. Все-таки от нотариуса, не каждый день такие письма получаю...

Но когда прибежала довольная Катерина и кивнула мне – иди, мол, пока кофе не остыл, – наша Зоя выскочила как чертик из табакерки и встала у меня на пути.

– Гусакова! – прошипела она. – Могу я поинтересоваться, куда это ты намылилась?

– У меня перерыв, – кротко ответила я.

– Никуда не пойдешь! – Рыжая ведьма подошла ближе и схватила меня за рукав. – Ты опоздала на двадцать минут, значит, будешь без перерыва работать!

– Но, Зоя, мне в туалет надо...

– Потерпишь! – припечатала эта сволочь, и в голосе ее прозвучало неприкрытое злорадство.

– Ну, знаешь! – Мне действительно было нужно, а еще вдруг накатилась такая злость, что даже заломило виски.

Я с грохотом задвинула кассу и выскочила. Немногочисленные покупатели уже поглядывали в нашу сторону с любопытством, одна женщина на всякий случай отошла подальше. Зойка не посмела ничего сказать, но направилась за мной с таким видом, что я опасно оглянулась на бегу.

Она перехватила меня в раздевалке.

– Можешь не переодеваться! – визгливым голосом заорала она. – Ты уволена!

– Как так? – Я растерялась. – За одно опоздание?

– Да ты работать не умеешь нисколько, покупатели жалуются, у тебя недостача вечно!

Насчет недостачи она врет, не было этого, а покупатели всегда жалуются, бабки вечно всем недовольны, им угодить невозможно, хоть в лепешку расшибись.

– Но Зоя... – Я решила спустить скандал на тормозах, уж очень не хотелось начинать изнурительные поиски работы. Сейчас лето, с этим будет трудно, не в ларек же идти...

– Не смей мне тыкать и Зоей звать! – орала рыжая ведьма. – Я с тобой водку не пила!

Что, интересно, она имеет в виду? Что я на работу пьяная прихожу? Или под забором валяюсь?

Я взглянула ей в лицо и поняла, что мирного разговора у нас не получится.

– А как мне к тебе обращаться? – огрызнулась я. – Зоя Ивановна? Или уж вообще мадам Желудева? И хватит орать уже! Вычти там за опоздание сколько положено и не мешай работать!

– Я сказала – ты уволена! – Она успокоилась. – Нам такие дуры в магазине не нужны!

– Магазин не твой, ты такой же наемный работник...

– Пошла вон! – У меня еще сильнее заломило в висках от ее крика. Да, похоже, вместе нам с Зойкой больше не работать.

– Расчет давай! – Я отвернулась к своему шкафчику.

– Завтра в главном офисе получишь! И сегодня до конца дня отработаешь!

– Вот уж фиг тебе! – рявкнула я. – Уволена так уволена! Хоть сама за кассу садись!

Если бы она сказала еще хоть слово, я бы выдрала ей рыжие волосенки. Но Зойка посмотрела мне в глаза и ушла молча. Я собралась быстро, не было у меня никаких вещей, всего-то работала в этом магазине меньше полугода.

С Катериной я простилась издалека, у нее была очередь, и пошла себе на улицу. Миновала «Макдоналдс», автобусную остановку, химчистку и парикмахерскую.

Что делать? Куда податься? Если домой, то свекровь сразу начнет спрашивать, почему я не на работе, потом будет утешать фальшивым слащавым голосом. Мужу-то все равно, он только о своем всегда рассказывает.

Я увидела вывеску кафе и решила посидеть и отдохнуть немного. Заодно и кофе выпью, а то на работе не получилось.

В кафе было мало народу, потому что время завтрака давно прошло, а время обеда еще не наступило. Было полутемно и прохладно. Я заказала большую чашку капучино и кусок творожного торта. Играло негромкое ретро, никто мне не мешал, я отхлебывала кофе и раздумывала о своей жизни.

Вот вроде бы не уродина я и не полная дура, а жизнь все время подкидывает такие подлянки, от которых я не могу опомниться и опускаюсь все ниже и ниже. Что сегодня орала эта стерва Зойка? Что я вообще ничтожество, ничего не умею и даже для такой простой работы ума у меня не хватает. Ну, положим, на восемьдесят процентов это все вранье, но почему она прицепилась именно ко мне? Другие тоже опаздывают, и жалуются на них покупатели, но крайней почему-то оказалась я.

Мы жили с родителями втроем, ни братьев, ни сестер у меня нету. Бабушек-дедушек я тоже не помню. Жили так себе, не было в наших отношениях особенной нежности и любви. К моменту, когда я окончила школу, мне надоели вечные материны попреки – дармоедка, мол, эгоистка и лентяйка, – и я решила пойти работать. Закончила секретарские курсы и тут же нашла работу в одной маленькой фирме.

Но проработала там недолго, потому что фирма очень быстро разорилась. Я устроилась в другую фирму, уже по знакомству, но пришлось уволиться через два месяца, потому что начальник расстался со своей постоянной любовницей и начал вязаться ко всем подряд. Когда он три раза ушипнул меня за попу в течение одного дня, я возмутилась и подала заявление.

В приличное место меня не брали – я плохо знала компьютер, кофе заваривала отвратительно, да и одевалась бедновато, в меру своих финансовых возможностей, словом, украшением приемной служить никак не могла, а работать не умела.

Наконец мне вроде бы повезло: начальник попался немолодой и невредный, прощал мне ошибки в работе, жалел даже. Сам он был одинокий, дети давно уехали не то в Израиль, не то в Америку, а жена все время болела. Хороший, в общем, был дядька, оплатил мне компьютерные курсы, все уговаривал учиться. Я относилась к нему с уважением, если надо было попозже задержаться – никогда не отказывалась. За добро нужно платить добром.

И вот когда мы сидели как-то вечером и он диктовал мне что-то, ему срочно надо было успеть к утру, в офис явилась его жена. Оказалось, что она больна психически и по полгода проводит в сумасшедшем доме. А сейчас ее временно выпустили. Но не потому, что она нормальная, просто у них мест мало, очередь из психов большая.

В общем, увидев меня наедине с мужем, тетя устроила грандиозный скандал, орала так, что прибежала охрана. Она пыталась выдрать мне волосы и выцарапать глаза, мой шеф ее еле удержал. Но сам пострадал – она стукнула его дыроколом, да так сильно, что пробила голову до крови. Хорошо, что подросла охрана. И главное – никто ведь и понятия не имел, что она сумасшедшая, все подумали, что она застала нас с шефом за чем-то этаким. Короче, их растащили, и шефа хватил инфаркт прямо тут же, в кабинете.

Умер он в больнице через два дня. Жenuшка его ничуть не пострадала – она предъявила справку из психбольницы, а меня таскали в полицию на допросы. Работа в фирме, естественно, накрылась медным тазом, да еще и слухи обо мне пошли разные, в общем, на этом с секретарством пришлось завязывать.

Мать, кажется, поверила в то, что ненормальная жена шефа застала нас тепленькими, во всяком случае, она все время твердила, что дыма без огня не бывает и что нечего было торчать с ним вечерами, лучше бы дома сидела и по хозяйству что-нибудь полезное делала.

Нервы мои были ни к черту, и как-то мы крупно поругались. Скандалили мы и раньше, то есть мать заводилась с полуоборота из-за какой-нибудь ерунды. Обычно ее унимал отец – просто говорил тихо: «Таня...» И смотрел при этом строго. Его она слушалась.

В этот раз все было сложнее, они выставили меня из комнаты и о чем-то говорили там вполголоса. Мне было ничуть неинтересно, и я ушла к себе, чтобы поплакать в подушку.

Было ужасно себя жалко – угораздило же вляпаться в такую историю. Теперь соседи смотрят на меня косо, а родная мать в сердцах обозвала неприличным словом. И главное – совершенно без основания! Хотелось послать их всех подальше и уйти. Но куда? Был у меня парень еще со школы, но в последнее время мы с ним как-то разбежались. А после той истории, когда умер шеф, он со мной и разговаривать не стал. Ну, не больно-то и хотелось.

Отец тогда пришел ко мне в комнату и сказал, чтобы я поступала учиться. Он советует на бухгалтера – профессия востребованная и учиться не пять лет, как в институте. Мне было все равно, и я выбрала техникум, где готовят бухгалтеров.

А когда закончила его, то отец неожиданно умер – что-то там у него оказалось не в порядке внутри, сделали операцию, но неудачно, не вышел из наркоза.

Если вы думаете, что общее горе сблизило нас с матерью, то глубоко ошибаетесь. Честно говоря, стыдно признаться, но особого горя я не испытала. Как я уже говорила, в отношениях у нас в семье не было теплоты и нежности, хотя отец меня никогда и пальцем не трогал, не ругал сильно и даже заступался иногда перед матерью.

С матерью отношения разладились окончательно, и когда она предложила разменять нашу трехкомнатную квартиру, я согласилась без долгих колебаний. Она провернула все на удивление быстро, я въехала в первую же попавшуюся однокомнатную квартирку в обычном доме. Себе она выбрала что-то получше, но меня в гости не приглашала, сказала, что мы друг с дружкой ужиться не можем, поэтому она надеется, что видеться мы больше не будем.

Я только пожалала плечами и подумала, что все к лучшему, буду сама устраивать свою жизнь.

Разобравшись кое-как с обустройством квартиры, я принялась за поиски работы. И тут начались сложности, потому что никто не хотел брать бухгалтера без опыта работы и без рекомендаций.

В конце концов я встретила одну девицу из техникума, звали ее Ульяна. Во время учебы мы с ней мало общались, как-то не пришлось. Пересеклись только однажды: на первом курсе меня пригласил на вечеринку один парень, на которого, как выяснилось, эта Ульяна имела виды. Я об этом понятия не имела и еще удивлялась, что она весь вечер смотрит на меня волком. С тем парнем мы повстречались некоторое время и расстались без взаимных обид, мне было с ним неинтересно, скучноватый оказался тип и очень самовлюбленный.

Через какое-то время их с Ульяной стали видеть вместе, и она теперь при встрече смотрела на меня с превосходством. Я только плечами пожимала – да ради бога, совет да любовь.

И вот примерно через полгода после окончания техникума мы с Ульяной случайно столкнулись в Пассаже. Сделали вид, что обрадовались, выпили кофе на галерее. Она сообщила, что выходит замуж, я пожаловалась, что не могу найти работу. И тут глаза ее блеснули и она сказала, что может мне в этом деле посодействовать, якобы ее соседка только что уволилась из одной коммерческой фирмы, там срочно ищут бухгалтера, и меня возьмут по ее, соседкиной рекомендации. Оклад приличный.

Я ужасно обрадовалась, потому что деньги подошли к концу, а к матери по этому вопросу нечего было и думать обращаться. Но сделала серьезное лицо и спросила, отчего уволилась соседка и почему сама Ульяна не идет работать в эту фирму, раз место такое хорошее и оклад приличный. Ульяна ответила, что соседка нашла другое место, еще лучше, а она сама работать после замужества вообще не собирается, муж будет ее содержать.

В эту фирму меня и вправду взяли охотно. Фирма была небольшая, я довольно быстро освоилась, потому что на первых порах в бухгалтерии не было ничего сложного. Директор, он же хозяин фирмы, в офисе не появлялся, всем заправляла его зам, Оксана Григоренко крупная такая деваха, всего у нее было много, даже чересчур – и волос, и голоса, и фигуры. Оксана несколько раз в месяц носила документы директору на подпись, а я занималась бухгалтерией.

Так прошло несколько месяцев, не то чтобы мне очень нравилась работа, но я притерпелась к Оксане и немножко расслабилась.

И вот после сдачи очередного квартального отчета меня вызвали в налоговую инспекцию, и там незнакомая баба, не та, с кем я имела дело раньше, сказала, что в фирме огромная недоимка по налогам. Я глядела на нее непонимающими глазами, тогда она ткнула пальцем в соответствующую графу ведомости.

– Ах, это... – я перевела дух, – так у нашей фирмы же налоговые льготы. Еще с позапрошлого года!

Баба поглядела на меня абсолютно неживыми прозрачными глазами и сказала, что была проверка и что все справки о налоговых льготах оказались липовыми. То есть бухгалтерские документы фальшивые, а это, милая девушка, уголовно наказуемое деяние. Забыв проститься, я бросилась к Оксане. Та выслушала меня недоверчиво – дескать, я все наверняка путаю по своей неопытности и бестолковости, потом взяла документы и пропала до конца дня. Я пила поочередно то кофе, то валерьянку, потом появилась Оксана и заперлась со мной в кабинете. Она закрыла окно, отключила телефон и только тогда сообщила мне вполголоса, что все верно, злоупотребления имели место, все справки о налоговых льготах фальшивые.

– Ты знала! – вскричала я, наконец-то прозрев.

– Не ори! – спокойно ответила она. – Если я что-то и знала, то с меня спроса никакого. Я в этой фирме никто. А право подписи у тебя и у директора.

Далее оказалось, что директор, он же владелец фирмы, давно уже проживает на Кипре, и Оксана передавала ему документы с оказией, иногда и сама летала на выходные. У него таких маленьких фирмочек несколько, какие-то он проворачивал дела, деньги перекачивал или что, Оксана сказала, что мне это неважно. А важно то, что за это все полагается тюрьма. А поскольку директор со своего Кипра возвращаться не собирается, то сидеть буду одна я.

На такой мажорной ноте мы с ней простились до утра.

Не стану рассказывать, как я провела эту ночь. То есть сначала, придя домой, я позвонила матери. Больше некому было звонить. Но как только она услышала мой гнусавый от слез голос, то заорала в трубку, чтобы я оставила ее в покое, чтобы не портила ей жизнь и что и так она достаточно от меня натерпелась. И бросила трубку.

Скажу сразу: тогда меня спасло только то, что в доме не было никаких сильнодействующих лекарств. В противном случае я наглotalась бы таблеток и не сидела бы сейчас здесь, в кафе, терзаясь воспоминаниями. Может, и к лучшему...

Я позвонила Ульяне еще, чтобы она помогла разыскать мне ее соседку. Потому что по всему получалось, что моя предшественница на посту бухгалтера прекрасно знала обо всем, что творилось в этой фирме. Потому и уволилась.

Ульяна очень удивилась моему звонку, сказала, что про соседку она ничего не знает, потому что живет сейчас у жениха, у нее скоро свадьба. Когда же я по дурости выболтала ей, что у меня неприятности, в голосе Ульяны послышалась такая радость, что я поскорее повесила трубку. То есть запоздало я поняла: это она нарочно меня подставила, предложила сомнительное место. Ну вот что такого я сделала ей плохого? Парня увела? Так он потом все равно к ней вернулся!

Однако предательство Ульяны не настолько меня ранило, как разговор с матерью, не то я уже притерпелась, не то и не ждала от Ульяны ничего хорошего.

В общем, утром Оксана снова заперлась со мной в кабинете и заявила, что вопрос с налогами можно решить. Только нужны деньги. Причем большие. Не для того, конечно, чтобы заплатить недоимку, а для того, чтобы укротить ту самую налоговую бабу. А большие деньги нужны потому, что она уже к этому делу внимание привлекла. И теперь не только ей заплатить нужно.

С замиранием сердца я спросила, сколько. Оксана оглянулась на дверь и шепотом назвала сумму. Я сразу успокоилась – таких денег у меня не было. Не было и половины. Да что там, и четверть такой суммы я собрать ни за что бы не смогла!

Никогда в жизни не водилось у меня денег. С родителями мы жили бедновато, зарабатывала я мало, едва хватало на одежду и кое-какие развлечения, не было у меня и богатых родственников.

– Продавай квартиру, – посоветовала Оксана, – в противном случае – тюрьма. Там тебе квартира точно не понадобится.

Я вспомнила прозрачные, абсолютно неживые глаза налоговой бабы и поняла, что на снисхождение рассчитывать не приходится.

Оксана очень быстро все организовала, буквально за неделю квартира моя оказалась продана, а так как по закону человека нужно куда-нибудь выписать, то я оказалась владелицей крохотной темной комнатухи в старом доме на Казанской улице. Матери я про перемену места жительства не сообщила.

И начался следующий этап моей невезучей и скучной жизни, про который даже вспоминать не хочется.

Внезапно мне стало так плохо, что захотелось упасть головой на стол и зарыдать. А потом биться головой о стену и выть. Я даже удивилась – с чего это вдруг? Зойка нахамила, уволили меня из магазина? Так не в первый раз такое происходит. Можно бы и привыкнуть. Не к кому обратиться, не у кого просить помощи или хотя бы простого утешения, потому что хоть и есть у меня по документам муж, но он, говоря прямо, форменный козел, тряпчатый урод и законченный придурок. А может быть, я другого и не заслуживаю?

Слезы подступили к глазам, и я полезла в сумку за платком. И тут под руку попался желтый конверт. Я совсем про него забыла!

Я достала конверт и повертела его в руках. Все правильно, адрес мой, и фамилия моя, и инициалы – Гусаковой А. А. Это я, Антонина Алексеевна, только по отчеству никто еще не называет. И не будут называть, если дальше все пойдет в таком же духе.

Отчего-то я медлила открывать конверт. Хотя очень хотелось узнать, что же там такое. Очевидно, я боялась разочарований. И так за всю жизнь их накопилось у меня множество.

Я оглянулась по сторонам. Народу в кафе прибавилось – подошло время ланча, однако никто на меня не смотрел, как обычно, я никого не интересовала. Что ж, я привыкла.

Из надорванного конверта я вытащила листок бумаги. Отпечатано на принтере:

«Уважаемая госпожа Гусакова!

Государственный нотариус Винетутов приглашает Вас 12 июня сего года к 15.00 в свою контору, находящуюся по адресу ул. Восстания, дом 25, для ознакомления с условиями завещания. Если Вы не сможете явиться к данному времени, просьба заблаговременно сообщить об этом по телефону...»

Далее был указан номер и подпись. А потом печать именная – «нотариус Винетутов...». Инициалы я не разобрала.

Я отложила письмо и тяжело вздохнула. Какое завещание? Кто мне мог что оставить?

После смерти отца прошло несколько лет, завещание давно потеряло силу. Да и не могло после него остаться ничего ценного. Как я уже говорила, жили мы бедно. Отец работал инженером-наладчиком, в моем детстве он много ездил по командировкам, потом перестал, потому что, по его собственным словам, все развалилось и нечего стало налаживать. Так, перебивался кое-как. Мать же никогда толком не работала, то есть чтобы получать серьезную зарплату. То брала группы продленного дня, то вела при ЖЭКе кружок мягкой игрушки, была даже какое-то время приемщицей в химчистке и администратором в стоматологической поликлинике. Вечно

она пилила отца, что в доме нету денег. А он отмалчивался, только иногда, когда она очень уж расходилась, говорил тихо: «Таня...» – и она почему-то успокаивалась.

Я тупо смотрела на письмо, пока меня не осенило, что сегодня как раз двенадцатое июня, так что нотариус Винетутов ждет меня сегодня в три часа. А сейчас уже четверть третьего. Улица Восстания отсюда не так далеко, успеть можно. И даже паспорт у меня в сумочке оказался совершенно случайно, забыла выложить. Хорошо, что свекровь не видит, она вечно ругает, что документы с собой таскаю. Тут она в кои-то веки права...

Выходит, хорошо, что меня уволили, а то Зойка, стерва рыжая, ни за что бы не отпустила с работы. Я причесалась, подкрасила губы и поспешила на улицу Восстания.

В приемной нотариуса было жарко и душно.

Вдоль стены стояли диван, обитый потрескавшейся искусственной кожей, и несколько жестких офисных стульев. Над диваном висела репродукция картины – море, покрытое барашками волн, парусник, скользящий по этим волнам под всеми парусами, и над ним – летящие в неизвестном направлении дикие лебеди.

На диване сидели мужчина и женщина. Они сидели на разных концах дивана, чтобы случайно не соприкоснуться, и смотрели в разные стороны. По всему было видно, что это муж и жена в последней стадии развода. Между ними чувствовалось такое напряжение, что воздух потрескивал, как перед грозой.

На стульях сидели еще несколько человек, все были очень озабочены. Еще одна озабоченная женщина быстро ходила по приемной взад-вперед, как тигр в клетке, и то и дело нервно поглядывала то на часы, то на дверь нотариуса.

Вдруг эта дверь приоткрылась, оттуда выглянул серьезный молодой человек с розовыми светящимися на солнце ушами и внимательно оглядел приемную.

– Я, я! – бросилась к нему нервная женщина. – Я первая! Я уже давно жду!

– Фамилия? – осведомился помощник нотариуса.

– Курослепова! Я записывалась на двенадцать...

– Обождите! – Молодой человек бесцеремонно отодвинул ее от двери. – Вас вызовут!

А Гусакова есть?

Все завертели головами. Даже муж и жена на диване взглянули друг на друга.

– Я Гусакова! – призналась я, сделав шаг вперед.

– Заходите! – Молодой человек чуть отступил в сторону, приглашая меня в кабинет.

– Как же так? – возмущенно запыхтела нервная женщина. – Она только что пришла, и уже заходит, а я записывалась на двенадцать и все еще дожидаюсь...

– Вас вызовут! – И молодой человек громко захлопнул дверь у нее перед носом.

Я оказалась в кабинете нотариуса.

Нотариус был какой-то странный человек. Казалось, он не родился и вырос, как все остальные люди, а создан искусственно путем сложения двух разных людей. Причем сложили этих двоих не очень аккуратно, наспех, должно быть, перед самым Новым годом.

Правая половина нотариуса была спокойная и неторопливая. Правая рука, как и положено, лежала на столе, придерживая стопку документов, правое плечо было неподвижно, в нем ощущалось чувство собственного достоинства. Левая же сторона была какая-то суетливая и беспокойная: рука то и дело подергивалась, пальцы нервно барабанили по столу или вдруг снимали с пиджака невидимую пушинку. Даже левое плечо то и дело приподнималось, словно выражая недоумение.

Но заметнее всего разница левой и правой половины нотариуса проявлялась в его лице. Правая сторона была неподвижна и безмятежна, как лесное озеро на закате, левая же непрерывно гримасничала – уголок губы то приподнимался, изображая кривую усмешку, то

печально опускался, щека подергивалась, левый глаз хитро шурился или смущенно опускался. Даже цвет глаз был разный: правый – блекло-голубой, левый – откровенно карий.

– Борис Борисович, вот госпожа Гусакова, – доложил нотариусу его помощник и отступил в сторону, чтобы его шеф мог меня как следует разглядеть.

– Очень, очень рад! – проговорил тот, вежливо приподнимаясь мне навстречу.

Точнее, только его левая, суетливая половина сделала попытку подняться, но правая ее удержала. Видимо, она посчитала, что это ниже ее достоинства.

– Да, вот мне пришло это письмо, – проговорила я, положив перед нотариусом злополучный конверт. – Но я думаю, что это какая-то ошибка... вряд ли это...

– Позвольте. – Нотариус взял письмо, пробежал его глазами и взглянул на меня своим правым, солидным, глазом. – Нет никакой ошибки. Все правильно. Я пригласил вас для того, чтобы ознакомить с завещанием вашей родственницы госпожи Вальдшнеп.

– Вальдшнеп? – удивленно переспросила я. – По-моему, это такая птица...

Что-то такое толковал муж про тургеневские «Записки охотника», как раз на этот урок завуч прислала к нему проверяющего из РОНО. Вот там, у Тургенева, они все стреляли вальдшнепов.

– Насчет птицы ничего не знаю. – Правая половина нотариуса нахмурилась, посчитав мое замечание неуместным, левая же ехидно ухмыльнулась. – Валерия Львовна Вальдшнеп, моя клиентка, оставила законное распоряжение, поручив мне разыскать свою племянницу Антонину Алексеevну Гусакову, то есть вас, и ознакомить ее, то есть вас, со своей последней волей...

– Но у меня никогда не было тети с такой фамилией! – перебила я нотариуса. – Если на то пошло, у меня вообще не было никакой тети. И дяди тоже. У меня из родственников только мать...

Тут я запнулась, припомнив, как мать орала в трубку, чтобы я оставила ее наконец в покое, что она меня знать не желает.

– Насчет дяди ничего не скажу, – строго проговорила правая половина нотариуса, – а последняя воля вашей тети Валерии Львовны заключается в том...

Он (точнее, его правая половина) неторопливо достал очки в тонкой золотистой оправе, водрузил их на нос, придвинул к себе документы, которые аккуратной стопкой лежали справа на столе, и строгим, официальным голосом зачитал:

«Находясь в здравом уме и твердой памяти, я, Вальдшнеп Валерия Львовна, завещаю принадлежащий мне на правах собственности антикварный магазин, расположенный по адресу: Шестая Советская улица, дом семь, а также находящуюся в том же доме квартиру своей племяннице Гусаковой Антонине Алексеevне...»

– Вы – Антонина Алексеevна Гусакова? – осведомился нотариус, оторвав взгляд от завещания и подняв его на меня.

– Да, это я... – пролепетала я, потрясенная услышанным, и положила перед ним паспорт.

– Все верно. – Он перелистал страницы паспорта (правой рукой, конечно), тщательно сверил фотографию с оригиналом и вернул мне документ. – Все верно, это вы, и вы можете на законном основании вступить в права собственности.

– Магазин и квартира?.. – протянула я задумчиво. – Вы говорите, что это теперь мое?

– Совершенно верно. Разумеется, после выполнения ряда обычных процедур.

Значит, я смогу переехать в эту квартиру и больше не видеть, как муж пьет по утрам кофе, точнее, ту бурду, которую он называет этим словом? И больше не слышать, как он смеется, словно рассыпая по столу лущеный горох? И больше не слышать приторный голос свекрови и не ловить подозрение в ее взгляде?

Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Разумеется, все это несбыточные мечты, при моей невезучести и бестолковости окажется, что квартира – вовсе не квартира, а собачья конура, а магазина и вовсе нету... Или просто

объявится настоящая племянница этой самой госпожи Вальдшнеп – и меня назовут самозванкой и выгонят в шею.

– Но вы вступите в права собственности только в том случае, если выполните одно условие... – дудел нотариус.

Ну вот, так я и знала!

Эта несуществующая тетка наверняка придумала какое-нибудь немыслимое условие. Я должна пойти туда – не знаю куда, и найти там то – не знаю что...

– Вы не должны продавать магазин, – говорил Винетутов, при этом левая половина его лица скривилась и левый глаз подмигнул мне развратно. – Вы должны вступить в права наследства и вести дело, как вела ваша... гм... тетя. И жить в той самой квартире.

Вот как? Да я только об одном и мечтаю – чтобы было куда уйти от мужа и свекрови! Чтобы у меня была собственная крыша над головой! Господи, неужели это возможно?

– Я согласна, – как можно спокойнее произнесла я.

Дальше мне дали подписать какие-то бумаги и выдали на руки дубликат завещания. Потом нотариус передал меня с рук на руки молодому человеку с розовыми, светящимися на солнце ушами, который заставил меня трижды расписаться в прошнурованной тетради и еще что-то заполнить.

– Курслепова! – крикнул он, провожая меня.

Нервная тетка рванулась в кабинет, задев меня плечом и даже не извинившись.

Дома свекровь встретила меня удивленно:

– Что случилось, Тоня? Почему ты так рано?

После посещения нотариуса я машинально поехала домой, не взглянув на часы. Оказалось, что сейчас всего шесть, а я обычно возвращаюсь не раньше половины десятого.

– Так... – отмахнулась я, – так получилось...

– Ты не заболела? – Свекровь выглядела обеспокоенной.

– Да нет же! – Я повысила голос. – Просто в магазине все кассы отключились, какой-то электронный сбой. Вот, пока кассы чинят, нас и отпустили.

Она удовлетворилась моим объяснением, еще извинилась, что есть в доме нечего – у Витюши, мол, педсовет перед выпускным вечером, он придет попозже.

– Да ладно! – Есть мне не хотелось. А хотелось поразмыслить над тем, что случилось со мной сегодня. Поглядеть на завещание, подержать его в руках, а то как-то не верится.

Но об этом нечего было и думать, потому что уединиться в этой квартире негде. Хотя квартира большая, но планировка какая-то странная. Две комнаты, когда-то они были смежные, выходят окнами на улицу. Комнаты большие, светлые, дверь между ними заколочена и заклеена обоями. В комнатах раньше жили мать и сын, теперь в одной из них наша с мужем спальня.

То есть это только так говорится, потому что на самом деле в комнате живет муж. У него там огромный письменный стол и старинная бронзовая лампа, а еще шкаф с книгами – разумеется, все классическая литература и учебники. Еще там стоит большой шкаф, забитый вещами, в основном – старье, которому место на помойке, но когда я заикнулась, что хорошо бы шкафчик разобрать, а лучше вообще все выбросить, свекровь впала в ярость.

Справедливости ради следует отметить, что такое с ней случается редко, поэтому я отступилась. Места в шкафу не было, да и как-то брезговала я впихивать свою одежду на старые полки, поэтому храню все свое барахло в той самой комнатке, в которую вселили меня после продажи однокомнатной квартиры.

Можно считать, что так в ней и живу.

Комнатка находится в конце коридора, рядом с туалетом, площадью семь с половиной метров. Да еще и форма у нее какая-то неправильная – не квадрат и не прямоугольник, а буквой «Г». Единственное окно выходит во двор-колодец, так что в комнате всегда темно.

Помню, когда в первый раз я увидела свое жилье, так хотела выброситься из этого самого окна.

А что – одним махом решить все проблемы!

Не получилось, потому что не смогла открыть окно – шпингалеты до того проржавели, что без инструментов не справиться. Не было у меня под рукой никакого инструмента, так что на этот раз обошлось.

Я подышала воздухом через форточку и вышла на кухню знакомиться с соседями. Не то чтобы мне этого хотелось, но нужно же как-то существовать в коммунальной квартире.

Разумеется, я была готова к тому, что соседи встретят меня в штыхы. Еще бы – до сих пор в этой комнатке никто не жил, мать с сыном привыкли, что у них как бы отдельная квартира. И вот здрасте – вселили меня. Но после того, как передо мной встала приятная перспектива оказаться на зоне, что мне были какие-то соседи?

Встретили меня настороженно, но приветливо. Свекровь, тогда еще будущая, даже чаем напоила, сразу стала звать Тонечкой. Сынок ее был вежлив, держался скромно.

После того как меня подставили, я поняла две вещи: никому нельзя доверять и самое главное – никому нельзя про себя ничего рассказывать. Чем меньше люди про тебя знают, тем лучше. А тем более – незнакомые люди. Так что с соседями я держалась ровно, на вопросы отвечала односложно, на кухне старалась не задерживаться.

Однако будущая свекровь упорно расспрашивала меня о жизни и постепенно выудила-таки, что я одинока, с матерью отношения не поддерживаю, замужем никогда не была, родственников не имею.

Я тогда потихоньку отходила от шока, работать устроилась на небольшие деньги администратором в задрипанный салон красоты и вечерами хотела только одного – чтобы все оставили меня в покое. Не нужны мне были шумные сборища, вечеринки с громкой музыкой, праздники в ресторанах, хотелось лечь на диван, накрыться одеялом и так лежать, ни о чем не думая.

Так я и проводила выходные – щелкая пультом маленького телевизора, который привезла с собой из той, прежней своей квартиры. Я не успела толком обзавестись хозяйством, так что вся мебель поместилась в эту крошечную комнатку.

Соседи меня не беспокоили. Музыка не включали, у них вообще была только радиоточка на кухне, свекровь слушала тихонько новости и передачу «Литературные чтения». В остальное время в квартире стояла мертвая тишина. Телефон звонил редко, только ближе к концу четверти мамы начинали интересоваться успехами своих отпрысков. Не ходили к свекрови соседки за солью и спичками, не толклись у ее сына ученики, не забегали на огонек коллеги-учителя. Мне в ту пору даже нравилось такое положение вещей.

Виталий был очень дружен с мамой. Они никогда не ругались, не ссорились, она-то его обожала и не скрывала этого, но и он относился к ней очень хорошо. Помню, я даже как-то позавидовала слегка: вот, близкие, родные люди, любят друг друга, так и должно быть. Не то что в нашей семье...

Моя мать не поздравила меня даже с днем рождения. Да я и сама вспомнила о том, что мне исполняется двадцать четыре года, только накануне. Ленки Соловьевой в городе не было, с остальными друзьями мы в последнее время как-то разошлись.

Зато свекровь тогда оказалась на высоте. Она увидела букет, что подарили мне девочки на работе, и тут же развила бешеную деятельность. Испекла на скорую руку торт, помню, он так и назывался – «Гости на пороге», послала сына в магазин за бутылкой вина и подарила мне шелковый розовый шарфик. Виталий еще принес по собственной инициативе коробку моего любимого бельгийского шоколада.

Что-то случилось тогда со мной, когда мы сидели за столом на кухне и Виталий улыбался, сидя напротив, а его мать все подкладывала мне еду на тарелку.

Никто раньше так не суетился вокруг меня, никто не хлопотал, не спрашивал, удобно ли мне сидеть, не дует ли от окна и не пышет ли жаром от плиты. Было так приятно, что кто-то заботится.

Прошло какое-то время, свекровь все продолжала меня опекать, угощала обедом, предлагала пользоваться ее стиральной машиной и наконец завела прямой разговор, смысл которого сводился к тому, что отчего бы мне не выйти замуж за ее сына. И привела кучу аргументов за: Виталик – хороший, добрый человек, не пьет, не курит, профессия уважаемая, а что денег маловато, так зато с работы не уволят, учителя всегда нужны. С жилищными условиями все будет хорошо: после свадьбы оформляем общий ордер, и будет у нас отдельная квартира в центре.

Не то чтобы я не догадывалась о ее планах, просто как-то не придавала им значения, как уже говорилось, была тогда не в лучшей форме. И не ожидала, что она так сразу возьмет быка за рога. Думала, что ее сынок будет долго за мной ухаживать, в кино водить, в театр, цветы дарить и разговаривать о литературе.

Что ж, против такого времяпрепровождения я не возражала, заодно и образовательный уровень свой повышу. Но свекровь взяла все в свои руки, видно, знала своего сыночка, что он будет тянуть кога за хвост и ни на что не решится.

Я тогда несколько растерялась и пробормотала, что мы с ее сыном совсем не знаем друг друга и что я должна подумать. Она отвела взгляд, но я успела заметить, как сверкнули ее глаза.

У себя в каморке я сказала себе, что единственный аргумент против брака – это то, что я Виталия не люблю.

То есть он мне тогда даже, пожалуй, нравился – мягкий такой, вежливый, не рвач, не хам, не урод даже. Старше меня на двенадцать лет, так ведь не на тридцать же! А за что мне бороться? За свою независимость? Да я вас умоляю, кому она нужна-то! Сейчас я одна как перст, если заболею, воды подать – и то некому!

Короче, через два месяца мы с Виталием расписались в загсе, и теперь я могу объяснить свое согласие на этот брак только временным помутнением рассудка.

Довольно скоро я поняла, что муж мой – полный и окончательный дурак, несмотря на высшее образование и знание русской литературы. Уж на что я умом не блистала никогда, но тут просто какая-то клиника! Еще ужасающий болтун, просто какой-то словесный понос на него находил! Ну, возможно, это профессиональное...

В постели с ним тоже было невыносимо скучно. Одно хорошо – в этом плане он оживлялся нечасто. Свекровь перестала надо мной квохтать, но, в общем, вела себя прилично, особенно после того, как мы сделали общий ордер на квартиру. Все было не так уж плохо, пока меня не начало тошнить.

– Тоня, ты отдыхаешь? – Свекровь постучала в дверь. – Помоги мне окно вымыть, а то голова что-то кружится...

– Иду! – Я не могла не признать справедливость ее просьбы, все же надо иногда что-то и по хозяйству делать. – Иду, Зинаида Марковна!

Бумаги я сунула за подушки дивана в надежде, что свекровь туда не полезет. Она вообще в эту комнату редко заходит.

Наутро я поднялась рано, как будто нужно на работу. Завтрак уже ожидал на столе, сегодня были сырники. Муж положил на тарелку четыре сырника и оглядел стол. Свекровь выставила сметану, мед, черносмородиновое варенье и шоколадную пасту. Муж задумался на

мгновение, очевидно, перед ним встала невероятно сложная проблема выбора, затем просветлел лицом и положил на сырники большую ложку варенья.

Я отвернулась на мгновение, а потом увидела, что сверху муж поливает варенье сметаной. Он тщательно перемешал все, попробовал и добавил еще ложку меда.

Я подумала, что если он положит в это месиво еще и шоколадную пасту, то я встану и уйду, даже чай не буду пить. Муж попробовал, кивнул сосредоточенно и начал есть, непрерывно болтая. Я достала из холодильника апельсиновый сок, ужасно кислый, и отхлебнула полстакана. Помогло.

Выйдя из дома, я позвонила в главный офис, за расчетом велели приезжать к двенадцати. Тогда я заскочила в салон красоты – тот самый, где когда-то работала администратором, и мастер Марьяна была так любезна, что приняла меня сразу.

Салон так себе, у них летом работы мало. Марьяна сделала мне стрижку и осветлила волосы, так что в главный офис я приехала при полном параде. Пускай видят, что у меня все отлично!

Денег выдали за полмесяца, я перекусила в кафе и решила ознакомиться со своей новой собственностью. Что время зря тратить?

Я сверилась с запиской.

Все правильно – Шестая Советская улица, дом семь.

Но никакого антикварного магазина здесь не было – был круглосуточный продуктовый, и еще какой-то магазинчик со странным названием «Лоскут», и пельменная, возле которой разговаривали о жизни два глубоко нетрезвых человека.

Я опасливо покосилась на них, отошла в сторонку и еще раз осмотрела фасад дома номер семь.

Но и с этой позиции ничего похожего на антикварный магазин не наблюдалось.

Ну да, чего-то подобного я ожидала. Мне с самого начала показалась подозрительной вся эта история – начиная с письма и заканчивая разными глазами нотариуса Винетутова. И вообще, с какой стати я, при своем удивительном невезении, должна получить какое-то наследство от несуществующей тетки?

Я уже решила уйти отсюда и вернуться домой. Единственное, что меня удерживало, – домой ужасно не хотелось. Просто до тошноты. Потому что придется сообщить свекрови, что меня уволили с работы. Она, конечно, ничего такого прямо не скажет, но подожмет губы и начнет распространяться, ни к кому, в общем, не обращаясь, что некоторые несерьезные личности не могут ужиться в коллективе исключительно из-за своих амбиций и плохого характера.

Я вас умоляю, какие еще амбиции! Но спорить со свекровью глупо. Так что выхода, похоже, у меня нет, не могу же я болтаться по улицам, вон и дождик накрапывать начал...

В это время из подворотни выбежала мелкая кудлатая собачонка, за которой на другом конце поводка едва поспевала такая же мелкая кудлатая старушка.

– Стой, Матильда! – безуспешно взывала хозяйка к совести своей питомицы, – стой, кому говорят! У тебя совесть есть, тунеядка беспардонная?

Собачонка не обращала на ее слова никакого внимания. Она неслась вперед к одной ей известной цели, не разбирая дороги. На пути у нее оказалась я, и Матильда кинулась мне в ноги. Я шагнула в сторону, пытаясь избежать столкновения, собачонка обогнула меня, запутав мои ноги поводком, и истерично залаяла, пытаясь освободиться. Поводок, зацепившийся за мои ноги, не пускал ее, и Матильда захлебывалась визгливым лаем.

– Заберите вы свою каракатицу кривоногую! – выпалила я в сердцах и наклонилась, чтобы распутать поводок.

Хозяйка Матильды, которая только что почем зря костерила свою непослушную собачонку, мгновенно встала на ее сторону.

– Сама каракатица! – огрызнулась она, бросаясь на помощь истеричной собачонке. – Сама кривоногая! Стоишь тут, как каланча пожарная! Понаехали тут...

Я растерялась от возмущения. Уж как хотите, но кривоногой меня еще никто не называл! Может, я и не красавица, но ноги у меня длинные и стройные, с этим до сих пор никто не спорил. И насчет того, что я «понаехала», – тоже полное вранье. Я в этом городе родилась и выросла, знаю его как свои пять пальцев... ну, почти.

– Сама понаехала! – выплеснула я на вредную старуху свое возмущение. – Вместе со своей шавкой!

Та уже успела распутать поводок и теперь бережно прижимала Матильду к груди, что-то ей озабоченно внушая. Однако на мои слова она немедленно и бурно отреагировала. Опустив непослушную собачонку на тротуар, чтобы та не мешала энергично жестикулировать, она подбоченилась, гневно вздернула подбородок и выпалила визгливым скандальным голосом:

– Я не понаехала, я тут вот уже семьдесят четыре года проживаю согласно прописке, а вот что ты тут делаешь, надо бы выяснить! Вот что ты тут вынюхиваешь? Что конкретно разыскиваешь?

– Антикварный магазин... – машинально ответила я.

– Это Никодим Никодимыча? – переспросила старуха с каким-то странным, испуганно-почтительным выражением и сразу как-то скукожилась. – Так вы бы так и сказали! Вы бы так и объяснили! Это вам, девушка, во двор нужно, вот сюда... – Она показала скрюченным пальцем на ту подворотню, из которой только что выбежала со своей энергичной дворняжкой.

Матильда в это время, опомнившись после столкновения со мной, снова куда-то понеслась и утащила за собой хозяйку. А я действительно увидела на стене возле подворотни табличку, которую до этого почему-то не замечала:

«Антиквариат. Покупка и продажа. Вход со двора».

Проводив удивленным взглядом темпераментную Матильду и ее хозяйку, я вошла в подворотню и увидела в углу двора неказистую дверь, а над ней – выцветшую и покосившуюся вывеску с единственным словом – «Антиквариат».

Ну что ж, значит, нотариус Винетутов меня не обманул и антикварный магазин, по крайней мере, существует.

Я пересекла двор, толкнула дверь и вошла внутрь.

Внутри было полутемно и пыльно.

Прежде чем мои глаза привыкли к скудному освещению и я смогла осмотреть внутренность магазинчика, прямо передо мной мелькнуло что-то темное и низкий басовитый голос проговорил:

– Меня-ю!

– Что? – переспросила я удивленно. – Что вы меняете?

Тут глаза мои наконец привыкли к полутьме, и я увидела на полу перед собой огромного черного как ночь кота с глазами, сверкающими, как два изумруда.

– М-меня-у! – повторил он, и я засмеялась: вот чей голос я услышала! Вот с кем я заговорила!

Коту мой смех явно не понравился. Шерсть у него на затылке поднялась дыбом, он попятился и чихнул. А я отвела от него взгляд и осмотрелась.

Начать с того, что магазинчик был совсем маленький, не больше кладовки в том магазине, где я работаю. И хотя я совершенно не разбираюсь в антиквариате, но даже я поняла, что находящееся здесь барахло не имеет к антиквариату никакого отношения.

На полках вдоль стен и в единственной застекленной витрине было выставлено никудышное старье, которому, на мой взгляд, самое место на помойке.

Здесь были фарфоровые чайники с отбитыми носами и чашки без ручек, треснувшие тарелки, мутные зеркала и расколотые театральные бинокли, погнутые металлические рамочки

для фотографий, рваные веера, старые пластинки в выцветших конвертах и разрозненные шахматные фигуры. На видном месте, как украшение коллекции, лежала старая кукла с фарфоровой головой. Один глаз у куклы отсутствовал, но самое главное – она была совершенно лысая.

Не успела я разглядеть все эти сомнительные сокровища, как из глубины помещения донесся сухой деревянный стук и голос, надтреснутый, как старая тарелка, проговорил:

– Интересуетесь старинными вещами? Заходите, заходите! Здесь есть на что посмотреть!

Я повернулась на этот голос и увидела сгорбленного старика с торчащими во все стороны седыми космами. На крючковатом носу кое-как держались старомодные очки в роговой оправе, одет он был в бордовую бархатную куртку с крупными пуговицами.

– Заходите! – повторил он и плотоядно улыбнулся. – У нас тут очень много интересного!

Я попятилась: что за подозрительный тип!

Впрочем, вся эта история с самого начала казалась мне очень подозрительной...

– Вы... кто? – спросила я испуганно.

– Никодим Никодимович. – Старик приосанился. – Так сказать, здешний ворон... так что конкретно вас интересует – старые куклы или, может быть, грампластинки?

Я растерянно молчала, пытаюсь понять, что, собственно, происходит. Если я унаследовала этот магазин, то кто такой этот противный старикан и что он здесь делает?

Он по-своему понял мое молчание.

– Вам, наверное, нужен подарок, но вы еще не определились, что это должно быть? Скажу вам, милая девушка, вы пришли по адресу! В моем магазине вы сможете выбрать оригинальный подарок для своего друга! Он оценит ваш вкус!

От этих его слов я окончательно расстроилась. Друг! Никакого друга у меня не наблюдалось и не предвиделось в обозримом будущем, имелся муж, но это – сомнительное сокровище, мне совершенно не хочется делать ему подарки, да и вряд ли он оценит подарок из этого магазина! Пожалуй, правильнее будет называть это жалкое заведение не антикварным магазином, а лавкой старьевщика...

Сам старьевщик не почувствовал перемену моего настроения и продолжал разливаться соловьем.

– Вот, обратите внимание – у меня есть замечательная коллекция пластинок Изабеллы Юрьевой... впрочем, вам это имя вряд ли что-нибудь говорит. Она была звездой довоенной эстрады, ее называли королевой патефона, белой цыганкой... ее слава была поразительной! Некоторые ее шлягеры пережили свою первую исполнительницу: «Если можешь, прости», «Только раз бывают в жизни встречи», «Сердце мое», «Мой нежный друг», «Синий платочек»...

– Синий платочек? – переспросила я, услышав знакомое название, – но ведь это, кажется, Шульженко...

– Первой исполнительницей этой песни была Изабелла! – И старик жестом фокусника протянул мне маленькую старую пластинку в потертом бумажном конверте. Тут же он вытащил из своих завалов старый патефон, открыл крышку (изнутри вырвалось облако пыли, так что у меня засвербило в носу), поставил пластинку и крутанул ручку. Как ни странно, патефон ожил, заработал, и на весь магазин зазвучал низкий хрипловатый голос, сопровождаемый ревматическим скрипом и потрескиванием старой пластинки...

«Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...»

– Да, может быть, вы правы... – протянула я. – Только я вообще-то пришла не за этим...

– Не за этим? – Он ничуть не огорчился, остановил патефон и спрятал пластинку. – Тогда, может быть, вас заинтересуют старые открытки? У меня есть замечательные экземпляры...

– Вообще-то нотариус Винетутов сказал мне...

– Винетутов – жулик, – не задумываясь, проговорил старик. – Жулик и невоспитанный человек...

Тут выражение его лица переменилось, он внимательно посмотрел на меня и протянул:
– Так вы... вы – Тося?

– Ну да, – честно призналась я. – Правда, обычно меня называют Тоней, но это неважно, вы можете называть меня как хотите... в общем, я – Антонина Гусакова.

– Как я рад! – Он запрыгал вокруг меня, размахивая руками, как ворона крыльями. – Как я счастлив! Казимир, посмотри, это она, это племянница Валерии Львовны!

Я не сразу поняла, к кому он обращается.

Он смотрел в угол магазина, где вроде бы никого не было, только плотная темнота. Но приглядевшись внимательно, я разглядела в этой темноте два тускло мерцающих зеленых огня и поняла, что старик разговаривает с котом.

– Познакомьтесь, – продолжал квохтать старик. – Это Казимир, он, можно сказать, мой помощник... ну, мыши, само собой – здесь много старых вещей, а где старые вещи, там и мыши, и если бы не Казимир, от них просто житья бы не было... – Старик недовольно покосился в угол и продолжил: – Вы не представляете, какие это нахальные животные! Но этим его помощь не исчерпывается. За те годы, что он провел в магазине, Казимир научился распознавать подлинный антиквариат. У него развилось настоящее чутье на старинные вещи! Иногда бывает, что даже я ошибусь, но он – никогда! Если Казимир чихнет, значит, мне принесли подделку, фальшивку...

«Да что тут у тебя подделывать? – подумала я. – Тут во всем магазине нет ни одной стоящей вещи».

Вслух, однако, я сказала совсем другое.

– Нотариус сообщил мне, что я унаследовала этот магазин от своей родственницы, – начала я неуверенно. – Но вы...

– А что я? – залебезил старик. – Я всего лишь наемный работник, мелкая сошка... всем, всем я обязан вашей тетушке, Валерии Львовне, этой удивительной женщине. И раз она завещала магазин вам – значит, я буду служить вам так же преданно, как служил ей...

Он сделал долгую паузу, скромно потупил взгляд и добавил:

– Конечно, вы – хозяйка, и вы вправе уволить меня, если сочтете нужным, но я со своей стороны постараюсь приносить вам посильную пользу... у меня все-таки есть кое-какой опыт, кое-какие знания... ну, и Казимир, само собой... правда, Казимир? – Он бросил взгляд на кота, как бы ища у него поддержки, но кот на этот раз смолчал.

– Да что вы! – смогла я с трудом вклинить в его монолог. – У меня и в мыслях не было вас увольнять! Честно говоря, я совершенно не разбираюсь в... антиквариате. – Я неодобрительно оглядела заполняющую магазин старую рухлядь. – Так что без вашей помощи мне ни за что не обойтись...

– Вот и славно. – Старик потер руки, улыбаясь. – Казимир, ты слышал? Мы остаемся!

– Да, вот еще что, – проговорила я, смущаясь и краснея. – Кажется, если я не ошибаюсь, в завещании, кроме магазина, упоминалась и квартира?

– Да, как же, конечно! – Старик снова оживился. – Квартирка имеется. Хотите на нее взглянуть?

– Да, конечно!

Я уже заподозрила, что если антикварный магазин оказался лавкой старьевщика, то квартира окажется собачьей конурой. И я не очень сильно ошиблась.

Никодим Никодимович повел меня по коридору в глубь магазина, где обнаружилась крутая лесенка, ведущая на второй этаж. Под лестницей была запертая дверь – должно быть, какой-то чулан. Все ступеньки этой лестницы скрипели, причем каждая – на свой лад, своим голосом. Перила были деревянные, отполированные десятками рук поднимавшихся по этой лестнице людей, и по углам их украшали круглые шишки. На втором этаже была маленькая площадка, на которой едва могли поместиться два человека, и массивная дверь.

Старик достал из кармана ключ (разумеется, старинный, бронзовый, с большой фигурной бородкой), вставил его в замочную скважину и открыл дверь.

– Проходите, Тося! То есть, извините, Тоня! – проговорил он торжественно и отступил в сторону.

Но прежде чем я успела переступить порог, мимо меня проскользнула черная тень.

Я вздрогнула от неожиданности и только через секунду поняла, что это был черный кот. Казимир воспользовался открытой дверью и первым вошел в квартиру, задрал хвост трубой. Я отчего-то расстроилась – хотя, говорят, это хорошая примета и в новую квартиру всегда первым запускают кота.

Замешкавшись на пороге из-за Казимира, я все же взяла себя в руки и вошла.

Да, такой несуразной квартиры мне еще не приходилось видеть.

Переступив порог, я оказалась в большой прихожей. Насколько я помню школьные уроки геометрии, форма этого помещения называется трапецией: у двери было ее самое узкое место, дальше она заметно расширялась. В широкой части имелась еще одна дверь, а слева от нее стоял допотопный платяной шкаф, больше всего напоминающий поставленный стоймя гроб.

Казимир, едва проскользнув в прихожую, сразу же взлетел на этот шкаф и теперь смотрел на меня сверху своими зелеными глазами. От этого взгляда мне стало жутковато.

– Проходите, Тосенька, проходите! – ворковал у меня за спиной Никодим Никодимович. – Будьте как дома! То есть что я говорю – вы здесь действительно дома, это ваша квартира...

Я шагнула вперед и толкнула следующую дверь.

За этой дверью оказалась комната.

Сегодня мне то и дело приходилось вспоминать уроки геометрии. Если прихожая в этой квартире была в форме трапеции, то комната представляла собой неправильный пятиугольник. Собственно, она была бы почти квадратной, но к этому квадрату был неуклюже прилеплен дополнительный угол с двумя окнами – кажется, это называют эркером. Возле одного из этих окон стояла зеленая деревянная кадка с большим пыльным фикусом, возле другого – старинная птичья клетка. Обитателя этой клетки я сначала не заметила, но когда подошла ближе, увидела внутри клетки деревянный домик вроде скворечника. Тут же из этого домика выбралась большая черная птица, посмотрела на меня искоса выпуклым внимательным глазом и вдруг хрипло выкрикнула:

– Мар-рдук!

– Что?! – переспросила я, вздрогнув от неожиданности.

– Дур-рак! – каркнула птица.

– Кто это? – удивленно спросила я, повернувшись к Никодиму Никодимовичу.

– Мардук – грач, – сообщил старик.

– Он говорит? – спросила я опасливо.

– Да, Валерия Львовна научила его нескольким словам. Знаете, чего только не делают пожилые люди от скуки! Она разговаривала, разговаривала с ним, и наконец он тоже заговорил...

– Мардук... какое странное имя! – задумчиво протянула я. – Какое-то восточное?

– Не имею ни малейшего понятия, – быстро ответил старик и отвел глаза. – Кажется, Валерия Львовна назвала его в честь какого-то старого знакомого...

Он отступил к двери и добавил:

– Не буду вам мешать. Осваивайтесь, осматривайтесь, если вам что-то понадобится – позовите меня, я буду внизу, в магазине.

– А вы... а где вы живете? – спросила я, но старика уже и след простыл.

Я недоуменно пожала плечами и продолжила знакомство со своей новой квартирой.

Помимо фикуса и клетки с говорящей птицей, в комнате находились старинный пузатый комод, накрытый кружевной салфеткой, круглый стол на одной ноге, пара деревянных кресел с резными подлокотниками и обитый выцветшей кожей диванчик с жесткой спинкой. На стене над диваном висела большая фотография в деревянной рамке. Фотография была странная – не портрет, не снимок любимого кота, не цветущий куст или клумба с розами, а какой-то пустынный южный пейзаж с бесформенными руинами на переднем плане.

Оглядевшись в комнате, я заметила еще одну дверь и широкий проем, задернутый темной плюшевой портьерой. Отдернув эту портьеру, я увидела глубокую нишу, в которой помещалась старая кровать с металлической спинкой, украшенной блестящими никелированными шарами.

Видимо, сегодня моя память работала в каком-то особом режиме, потому что она выдала хранившееся в ее запасниках полузабытое слово «альков». Кажется, так называют такие ниши с кроватью. Кровать была аккуратно застелена, покрыта розовым шелковым покрывалом, поверх которого лежала целая груда подушек в кружевных наволочках. Все это было чистое, нарядное, но пожелтевшее и ветхое от старости.

Я представила, что на этой кровати долгие годы спала старая женщина, моя мифическая тетка Валерия Львовна, и в душе у меня шевельнулось какое-то неприятное чувство.

«Все это нужно поменять! – подумала я машинально. – Купить новую мебель, постельное белье, посуду и всякие бытовые мелочи... хотя на какие деньги?»

Стоя перед этой кроватью, я попыталась обдумать свое положение.

Я хожу по этой квартире, по-хозяйски осматриваю ее, как будто и правда имею на нее какие-то права, начала уже воспринимать все это как свою собственность – но ведь у меня не было никакой тетки! Это наверняка ошибка, и рано или поздно эта ошибка разъяснится и меня с позором погонят отсюда...

Выйдя из алькова, я заглянула в последнюю дверь.

За ней оказалась крошечная кухонька (кстати, вполне современная – с электрической плитой на две конфорки, с хромированной вытяжкой, с микроволновой печью и маленьким холодильником). Еще здесь была выгорожена ниша, в которой обнаружился маленький санузел. Увидев душ, я приободрилась.

Обследовав подвесные шкафчики, я нашла кофе, сахар и коробку ржаных сухариков. При виде этих сокровищ мое настроение еще немного улучшилось.

Я собралась было сварить себе кофе, но тут из комнаты донесся басистый кошачий мяв.

Выглянув на этот голос, я увидела Казимира, который в упоении драл когтями старый комод.

– Ты что делаешь? – прикрикнула я на него и даже замахнулась поймавшей под руку старой газетой.

Кот посмотрел на меня высокомерно и презрительно, однако точить когти перестал и сел на полу перед комодом, аккуратно обернув лапы пушистым хвостом. При этом он поочередно поглядывал то на меня, то на комод.

– И что ты этим хочешь сказать? – спросила я кота.

Кот ничего не ответил, только презрительно фыркнул и распушил усы.

Но мне почему-то ужасно захотелось заглянуть в ящики комода.

«В конце концов это теперь моя квартира, и все, что в ней находится, тоже мое. И возможно, я найду в комодe что-то, что поможет мне понять, кто такая эта Валерия Львовна, вернее, кем она была...»

С такими мыслями я выдвинула верхний ящик комода.

В нем не было ничего особенного: плетеная корзинка для рукоделия, картонная коробка с разноцветными нитками – то ли ирис, то ли мулине, другая коробка с самыми разными пуговицами. Некоторые пуговицы были очень красивые, перламутровые, хрустальные, металли-

ческие, покрытые цветной эмалью, одна – явно дореволюционная, серебряная, с двуглавым орлом.

Задвинув этот ящик, я выдвинула второй.

Точнее, только попыталась его выдвинуть.

Ящик был заперт и не поддавался моим усилиям открыть его.

Я решила отложить его изучение на будущее и выдвинула третий, самый нижний ящик комода.

Здесь лежал большой тяжелый альбом для фотографий в малиновом бархатном переплете, старинный альбом с металлическими застежками, рядом с ним стояла небольшая деревянная шкатулка с нарисованными на крышке темно-красными розами.

При виде этой шкатулки у меня отчего-то пересохло во рту и сердце пропустило один удар.

С чего бы это?

Мне хотелось заглянуть в шкатулку – но отчего-то было немного страшно сделать это, и, чтобы оттянуть этот момент, я достала фотоальбом и открыла его.

Это был альбом, какие заводят многие родители с появлением ребенка или бабушки-дедушки с появлением любимого внука – здесь были выложены и наклеены в хронологическом порядке детские фотографии. Фотографии одного и того же ребенка.

Вот этот ребенок совсем крошечный, только что принесенный из роддома, со сморщенным недовольным личиком... вот ему месяц, два, три... он становится все привлекательнее, все симпатичнее... то есть не он, а она – я убедилась, что ребенок на этих фотографиях – девочка... и еще... еще... не может быть...

У меня в душе возникло подозрение, которое укреплялось с каждой фотографией, с каждой перевернутой страницей.

Это был не просто ребенок. Не просто какая-то абстрактная девочка.

Это была я.

Но этого не может быть!

Я переворачивала страницу за страницей, разглядывала фотографию за фотографией – и последние сомнения отпадали, как осенние листья. Точнее, как опадают подсохшие корочки с заживающей ранки.

Вот я стою, прижимая к себе плюшевого медведя. Это был мой любимый медведь, когда мне было четыре года, у него оторвалась правая лапа, и ее снова приделали, не очень аккуратно – вот она, эта лапа, криво пришитая, как будто медведь подрался с другим, большим медведем... а вот на мне длинное платье в крупных цветах, я помню, как оно мне нравилось...

Я переворачивала страницу за страницей, словно наблюдая со стороны за своей собственной жизнью.

Вот мне шесть лет... семь... восемь...

Я перевернула очередную страницу...

Дальше ничего не было, словно на этом месте моя жизнь оборвалась.

На следующих страницах были следы клея и клочки фотобумаги. То есть здесь тоже были наклеены фотографии, но кто-то их грубо, безжалостно вырвал.

Я пролистала альбом до самого конца, не нашла больше ни одной фотографии, закрыла его и положила обратно в ящик.

Что же это значит? Откуда здесь, в этой старой квартире, где я не бывала ни разу в жизни, мои фотографии? Кто была хозяйка этой квартиры, кто была эта женщина, если она так внимательно, так пристально и упорно наблюдала за моей жизнью? Причем не только до восьми лет, но и потом. И отчего все поздние фотографии вырваны из альбома? И почему, черт возьми, я никогда не слышала о существовании этой Валерии Львовны Вальдшнеп?

И тут мой взгляд снова вернулся к шкатулке в пышных темно-красных розах.

Мне по-прежнему было страшно коснуться ее, словно она скрывала какую-то тайну. Еще более значительную, чем та, которую я нашла под крышкой фотоальбома.

Ну что это, в самом деле!

Зачем прятать голову в песок, как страус? Зачем делать из мухи слона? Что уж такого страшного может прятаться под крышечкой этой простенькой деревянной шкатулки?

Я решительно взяла шкатулку, поставила ее на крышку комода и открыла...

Комнату наполнила негромкая музыка.

Менуэт Боккерини.

Это была музыкальная шкатулка.

Иногда в таких шкатулках прячутся механические балеринки, которые начинают кружиться, крутить фуэте, стоит привести в движение механизм, открыв шкатулку.

Но в этой шкатулке вместо крошечной балерины прятался игрушечный клоун, крошечный человечек в яркой красно-желтой одежде с грубо размалеванным лицом. Он кружился под музыку Боккерини, исполнял что-то вроде фуэте, подражая своим механическим сестрам, игрушечным балеринкам из других музыкальных шкатулок, – но в его движениях была насмешка, издевательство, грубая пародия. Каждое движение отдаленно напоминало балетное па – но в нем было грубое преувеличение, издевка, жестокая насмешка.

Крышка шкатулки изнутри была зеркальной, она состояла из четырех хитро составленных частей, и танцующий клоун многократно отражался в этих четырех зеркалах. Отражения казались еще более издевательскими, и в какой-то момент мне померещилось, что одно из отражений клоуна бросило на меня пристальный, изучающий взгляд.

Я вгляделась в размалеванное лицо клоуна – и по спине пробежали мурашки: красная краска, которой был грубо намазан его рот, показалась мне незасохшей кровью...

Но не это было самым страшным.

Самым страшным было то, что я начала смутно вспоминать этого клоуна и его пародийный танец.

Когда и где я его могла видеть?

Я прикрыла глаза.

Кажется, это был сон...

Я была тогда еще совсем маленькой, может быть, мне было шесть или семь лет. Хотя что это, гораздо меньше – четыре или даже три. Не помню, где мы тогда жили. Но этот сон я теперь вспомнила удивительно отчетливо и ярко.

Красно-желтый клоун танцует передо мной, кружится на одной ноге, выделявая руками странные гипнотические жесты. Его руки кажутся мягкими и гибкими, словно две большие змеи. Он манит меня? Пытается что-то сообщить мне своими жестами?

Я заморожена, загипнотизирована его танцем, у меня нет своей воли. Я делаю шаг вперед, еще один шаг... вот я уже совсем близко к нему... еще немного, и он дотронется до меня своими мягкими, плавно извивающимися руками...

Мне противно даже представить себе это прикосновение – но вместе с тем оно удивительным образом притягивает меня.

И тут я разглядела лицо клоуна.

Оно грубо раскрашено, глаза подведены, контур вокруг рта обведен красной краской...

Нет, это не краска. Это кровь, еще не засохшая кровь капает с губ клоуна...

Я кричу от ужаса... и просыпаюсь.

Или это был не сон?

Менуэт Боккерини затих. Механический клоун сделал еще один поворот вокруг своей оси, сложил руки и опустился, словно умирающий лебедь.

Я поспешно захлопнула шкатулку, глядя перед собой и пытаюсь понять, что это было, что за воспоминание всколыхнулось во мне при виде клоуна из музыкальной шкатулки.

Давно забытый сон – или что-то совсем другое?

Вдруг у меня за спиной раздался хриплый крик:

– Мардук!

Я вздрогнула и обернулась.

Конечно, это грач кричал в своей клетке.

Он пристально смотрел на меня, склонив голову набок... и мне показалось, что взгляд говорящей птицы похож на взгляд механического клоуна, клоуна с кроваво-красными губами...

– Прекрати, Мардук! – прикрикнула я на грача. – Я теперь буду здесь жить, так что не стоит со мной ссориться!

– Мардук – дурак... – отчетливо проговорил грач.

– Вот здесь я с тобой совершенно согласна! – Я усмехнулась. – И вообще критическое отношение к собственной особе достойно всяческого уважения!

Грач обиженно нахохлился и ушел в свой домик переживать обиду. Точно как муж, подумала я. Когда он вообразит, что я проявила к нему недостаточное уважение, он ложится на диван, отворачивается лицом к стене и часа два выражает спиной мировую скорбь... Его мамочка тут же начинает суетиться, беспрерывно теревит его, интересуясь, не болит ли что у Витеночка, осторожно щупает его лоб на предмет повышенной температуры и даже интересуется, был ли у него стул (честное слово, сама слышала!).

Как говорится, помяни черта – а он тут как тут. Не успела я подумать о муже, как зазвонил мой мобильник и на дисплее высветилось до боли знакомое имя.

– Да, Виталик! – проговорила я, стараясь не показать досаду.

– Где ты, Антосик? – спросил он озабоченно.

– Я... я у подруги.

Я по-прежнему не собиралась ничего ему говорить про загадочную тетку, про ее завещание, про антикварный магазин и квартиру. Может быть, когда-нибудь потом придется это сделать. Когда я буду точно уверена, что квартира моя по закону.

Хотя... кажется, муж имеет право претендовать на мое наследство... Надо бы проконсультироваться у нотариуса Винетутова на этот счет.

– У подруги? – переспросил муж взволнованно. – У какой еще подруги?

– У... у Зои Желудевой, – выдала я первое попавшееся имя.

Не стала ссылаться на Ленку Соловьеву, потому что с него станется ей позвонить. Не то чтобы он мне не доверял, но все же... Имя злодейки Зойки всплыло отчего-то в голове.

– Кто это такая? – В голосе мужа прозвучали подозрительные нотки. – Ты мне никогда о ней не говорила!

Это что-то новенькое! Прежде муж никогда не интересовался моими подругами. Он вообще не интересовался ничем и никем, кроме себя, любимого. Вечно талдычил про свою трактовку образа Базарова и про то, что комиссия из РОНО высказала ему одобрение.

– Да говорила я! – ответила я как можно небрежнее. – Ты, наверное, просто забыл... мы с ней ходили в один детский сад... играли в одной песочнице...

Врать, так уж уверенно, думала я, твердо стоять на своем, не меняя показаний.

– Ну, может быть, – смягчился муж. – Но ты у нее не задерживайся, приходи пораньше. Ты ведь помнишь, какой сегодня день?

– А какой? – спросила я испуганно, мысленно перебирая всевозможные праздники и годовщины.

Может, я прозевала день рождения свекрови или еще что-то столь же священное?

– Сегодня пятница! – ответил он со значением.

И тут до меня все дошло – и причина его звонка, и неожиданный интерес к моим подругам...

Все дело в том, что сегодня – пятница, а по пятницам мой несравненный муж планирует супружеский секс.

Это правило он установил раз и навсегда и не допускает никаких отступлений. Где-то он вычитал, что секс раз в неделю полезен для здоровья, и эта мысль глубоко засела у него в сознании. А пятницу он выбрал как наиболее удобный день: завтра не нужно идти на работу и можно выспаться, восстановив потраченную энергию.

Так что каждую пятницу, невзирая на погоду, настроение и состояние здоровья, он требует от меня неукоснительного исполнения супружеского долга. Думаю, что единственной уважительной причиной, чтобы отказаться от этого, послужила бы его собственная смерть. Ну, или моя, хотя тут я уже не настолько уверена.

Интересно, что, как и все другие вопросы, Виталик обсудил это с матерью и получил ее одобрение. Ну как же – ведь речь идет о его драгоценном здоровье!

Так что каждую пятницу свекровь смотрит на меня со значением и только что не инструктирует, что и как я должна делать с ее несравненным сыночком. А в субботу утром сразу же меняет постельное белье. Вот не успеешь встать утром с кровати, как она уже несется с чистыми простынями и пододеяльниками!

От одной мысли о сексе у меня заболели зубы. Больше того – меня затошнило, как часто тошнит в последнее время. Я даже огляделась в поисках лимона. Лимона, к сожалению, не было, так что я глубоко вдохнула и выдохнула.

– Ты знаешь, дорогой, – проговорила я едва слышно. – Сегодня, к сожалению, ничего не получится.

– Как?! – В его голосе прозвучал чуть ли не мистический ужас, словно я сообщила ему, что завтра состоится конец света. – Как?! Но ведь ты знаешь, что по пятницам...

– Да, я помню, конечно, – поспешно перебила я его, пока он не изложил, чем именно мы занимаемся по пятницам, – я помню, но у Зои, у этой моей подруги, высокая температура... так что мне, наверное, придется у нее переночевать...

– Кто тебе дороже – какая-то Зоя Рябинкина или...

– Но Виталик, я не могу оставить больного человека без помощи! Она живет одна, ей даже лекарство подать некому! Вспомни, чему ты учишь школьников на своих уроках! Ты сеешь разумное, доброе, вечное! И ты хочешь, чтобы я оставила больного человека в беспомощном состоянии? Это политика двойных стандартов! И вообще она не Рябинкина, а Желудева, Зоя Желудева...

– Не говори ерунды! – перебил меня муж. – Если для тебя наша семейная жизнь ничего не значит...

И тут в его голосе что-то изменилось.

– Ты сказала, – проговорил он испуганно, – ты сказала, что у нее... у этой твоей подруги... высокая температура?

– Ну да, – подтвердила я, почувствовав, что появился шанс отвертеться. – Тридцать девять и четыре.

Если врешь – всегда нужно врать с десятиными долями. Такая точная, уверенная ложь выглядит достовернее правды.

– Тридцать девять и четыре? – переспросил муж взволнованно. – А чем она больна?

– Понимаешь, врач пока не смог поставить диагноз. Кроме высокой температуры и ломоты в суставах, пока нет никаких симптомов. Врач сказал, что завтра картина станет более ясной, и тогда...

– Но это же может быть что-то очень заразное! – Теперь в голосе мужа звучала настоящая паника. – Высокая температура, ломота... Знаешь что, пожалуй, тебе действительно лучше переночевать там. А уже завтра врач поставит диагноз...

– Да, милый, но как же наша семейная жизнь? – На этот раз возразила я, стараясь не переиграть.

– Но Антосик! – перебил меня муж. – Как ты можешь быть такой бессердечной? Твоя близкая подруга тяжело больна, рядом с ней нет никого, кто мог бы ей помочь, даже лекарства подать некому! Разве можно оставить больного человека в беспомощном состоянии? Вспомни, чему я учу детей на своих уроках!

– Ну, раз ты так считаешь, дорогой, пожалуй, я у нее действительно останусь! – И я отключила телефон, пока он не передумал.

Ну что ж, вопрос решился сам собой, и у меня совершенно неожиданно образовался свободный вечер. Мне не придется объясняться с мужем, не придется выдерживать многозначительные взгляды и намеки свекрови, не придется сдерживать приступы тошноты. Я могу просто посидеть в кресле, отдохнуть...

Старое резное кресло возле окна как будто приглашало меня. Я опустила в него, кресло уютно скрипнуло, и я почувствовала покой, покой и свободу...

Машинально я протянула руку к этажерке, взяла с нее первую попавшуюся книгу.

Книга была без обложки, без начала и конца. Текст начинался прямо с середины фразы:

огненная колесница Солнца выкатилась на небосвод и озарила своим сиянием долину Исса. В этот день эту безлюдную обычно долину трудно было узнать. Две огромные армии расположились по сторонам неширокой речки Пинар, окрасив ее выжженные солнцем берега пурпуром, багрянцем и лазурью своих одежд, грозным сверканием испытанных в схватках боевых доспехов.

По левую сторону реки выстроилась в боевом порядке армия Александра.

Сам полководец находился на правом фланге во главе отряда гейтаров – отборных тяжеловооруженных всадников, знатных македонцев и греков, составлявших его личную гвардию. В сверкающих на солнце бронзовых доспехах, вооруженные кривыми мечами – махайрами, гейтары выглядели грозно и величественно, словно каждый из них был воплощением бога войны Ареса.

Кроме двух тысяч гейтаров, на правом фланге македонской армии стоял отряд щитоносцев, три тысячи отборных пехотинцев под командой Никанора, легкая кавалерия, критские лучники и пехота из числа союзных варваров.

Левый фланг занимала тяжелая фессалийская конница и конница греческих союзников, за ними выстроились фракийские и иллирийские пехотинцы.

В центре македонской армии стояла знаменитая фаланга, оцетинившаяся длинными копьями, сариссами, как огромный смертоносный еж. Здесь было восемь полков – девять тысяч македонцев и десять тысяч греков.

На другом берегу реки стояла армия персидского царя.

В отличие от стройного, геометрически правильного построения македонцев персидская армия казалась морем – беспорядочным и безбрежным. С персидского берега доносились ржание коней и рев верблюдов, гортанные крики их погонщиков, скрип тысяч повозок и телег и крики воинов разных племен и народов.

Здесь были высокомерные мидийцы в шапках из позолоченной меди, киликийцы в кованых панцирях, карийцы в пышных шелковых тюрбанах и длинных кольчугах, парфяне в медных кирасах, с кривыми мечами и маленькими круглыми щитами, полудикие жители далекой Гирканиши в накидках из тигровых шкур, индийцы в бумажных полосатых одеждах, эфиопы в

львиных шкурах, черные белуджи, кочевники Средней Азии, на своих легких, как ветер, конях, ливийцы на четырехколесных военных колесницах.

В центр своей армии, против фаланги Александра, Дарий поставил своих лучших бойцов – греческих наемников, тяжеловооруженных латников-гоплитов, которым не раз приходилось сталкиваться в бою с македонцами. По сторонам от греческой пехоты он разместил отборную персидскую панцирную конницу – испытанных в боях бородатых всадников, вооруженных тяжелыми кривыми мечами. Сам же царь на своей боевой колеснице находился в центре построения, окруженный личной гвардией – отрядом бессмертных. С высоты колесницы Дарий гордо озирает свою огромную армию, уверенный в ее непобедимости.

Персидская армия поражала не только многолюдьем, превышающим человеческое разумение, но и яркостью, небывалой пестротой, разнообразием. Казалось, все племена и народы бескрайней Азии пришли в этот день на равнину Исса, чтобы противостоять армии молодого македонского владыки. Персидское войско казалось морем – бурным и бескрайним морем, перед которым не может устоять никакая сила.

А в стороне от обеих армий, на вершине крутого холма, вздымающегося над долиной Исса, на плоской каменистой площадке, стояли три человека в длинных черных одеждах, в бронзовых масках с прорезями для глаз.

У одного из них, самого высокого, маска была грозной и суровой, у второго, невысокого и плотного, она язвительно усмехалась, словно знала о жизни что-то постыдное и жалкое, у третьего она была бесстрастна и равнодушна.

Посредине, между тремя магами, стоял бронзовый треножник, на котором тлела жаровня, испускающая белесый дым, медленно вздымающийся к небу.

– Время пришло, – проговорил человек в бесстрастной маске. – Пора приступать.

– Пора, – повторил за ним тот, чья маска усмехалась, и бросил на жаровню пучок травы.

Дым окрасился в тускло-золотой цвет. Запахло сухой пыльной степью, бескрайним простором без дорог и селений.

– Пора. – И человек в грозной маске бросил в огонь горсть белого порошка. Дым стал бледно-зеленым.

– Пора, – подтвердил бесстрастный и бросил на жаровню несколько красноватых кристаллов. Дым окрасился в багровый цвет, цвет заката, цвет свернувшейся крови.

– Великий Мардук, наш грозный повелитель, – начал нараспев бесстрастный маг. – Пришел час твоего торжества.

– Пришел долгожданный час отмщения, – подхватил ухмыляющийся. – Пришел час, которого мы ждали так долго.

– Сегодня гордый персидский царь будет повержен во прах, его царство будет разрушено. Он раскается в тех унижениях, которым подверг богов великого и древнего Вавилона. Он будет сурово наказан за свое высокомерие.

Дым над жаровней сгустился и потемнел, тонким столбом поднявшись к легким перистым облакам. Небо словно опустилось на долину. На мгновение наступила страшная, настоженная, звенящая тишина, даже кони и верблюды замолчали, стих скрип телег и повозок, звон доспехов и оружия.

Вдруг в голубом рассветном небе возникла темная точка.

Приближаясь, она становилась все больше и больше, и наконец все увидели огромного орла.

Царственная птица сделала круг над равниной и зависла в небе над войском Александра.

– Это доброе предзнаменование, этот орел обещает нам победу, – обратился к македонскому правителю предводитель отряда гейтаров Филота.

– Я и без него знаю, что мы победим! – уверенно проговорил Александр и приподнялся в стременах. – Никто и ничто не сможет нас остановить! Вперед!

Гейтары бросились вслед за своим царем.

С ходу форсировав мелкую речку, мощные кони быстро вскарабкались на берег, и македонская конница врезалась в ряды персов, как раскаленный нож в масло.

Ржание коней, звон мечей и доспехов, крики раненых слились в страшную и величественную музыку боя.

Роскошные одежды персидских всадников обагрились кровью, дорогие доспехи, выкованные дамасскими оружейниками, не выдерживали ударов тяжелых македонских махайр. Командир конного полка, дородный перс с выкрашенной хной окладистой бородой, свалился со своего коня, его оруженосец вскрикнул: «Господин убит!» – и началось страшное, кровавое отступление.

Персидские всадники повернули своих коней и помчались под защиту многочисленной пехоты – но сами же сломали ее строй, и левый фланг персидской армии побежал, преследуемый гейтарами и легкой греческой кавалерией.

В центре события развивались по-другому.

Непобедимая македонская фаланга быстрым шагом преодолела мелкую реку, фалангисты, не сбавляя скорости, взобрались на вражеский берег и бросились вперед, выставив перед собой смертоносные жала длинных копий – сарисс.

Но против них стояли не воины из многочисленных провинций персидской империи, даже не гвардия Дария – его «бессмертные», прошедшие за своим царем сотни переходов, участвовавшие в десятках сражений.

На этом, самом важном, участке персидский царь поставил свое самое надежное войско – десять тысяч наемных греческих воинов гоплитов в тяжелом вооружении.

Выходцы из суровой Спарты и гордых стовратных Фив, из Афин и Эпира, опытные и могучие воины, покинувшие родину и пришедшие на службу к щедрому персидскому царю. Коринфские шлемы закрывали не только голову, но и все лицо гоплита, оставляя только узкие прорезы для глаз, бронзовая кираса защищала грудь, поножи – ноги ниже колена, но главным в их вооружении были огромные круглые щиты – гоплоны, которые и дали гоплитам имя, внушающее страх и уважение на просторах ойкумены.

При приближении македонской фаланги раздалась отрывистые команды начальников, гоплиты сомкнули свои тяжелые щиты, и отряд наемников превратился в неприступную крепость.

Фаланга налетела на эту крепость, ударила в нее тысячами копий – но откатилась, не причинив гоплитам почти никакого урона, как откатывается волна от скалистого берега.

Но фаланга была большой и глубокой, задние копьеносцы напирали на передних – и македонский строй сломался, в рядах фалангистов появились зазоры.

И тут же из-за стены бронзовых щитов выбежали лучники, выпустили по македонской фаланге густой рой киликийских стрел с двойным наконечником, наносящих страшные, кровавые раны.

Выпустив стрелы, лучники тут же поспешили отступить, и ряды греческих воинов снова сомкнулись, превратившись в неприступную бронзовую стену.

Македонская фаланга отступила, вернувшись на свой берег реки, командиры отрядов и полков собрались, чтобы обдумать следующую атаку. Гоплиты опустили щиты, выжидая.

Но отступление персидской кавалерии на левом фланге поставило греческих наемников в очень тяжелое положение: гейтары Александра, отбросив персов, не стали преследовать отступающих, вместо этого они на всем скаку развернулись и всей своей мощью ударили во фланг греческому отряду.

Гоплиты успели развернуться и встретить македонскую конницу стеной щитов, но их положение крайне осложнилось: теперь они должны были сражаться на два фронта – против фалангистов-копьеносцев и против отборной македонской конницы.

Командиры наемников передали по отрядам распоряжения, и огромная масса закованных в бронзу воинов начала медленно отступать, сохраняя строй и разя врагов мечами и копьями.

Дарий, который находился недалеко от греческого отряда и наблюдал за ходом битвы со своей колесницы, повернулся к вознице и велел тому отступить.

В комнате незаметно стемнело, читать стало трудно, и я отложила книгу.

Встала с кресла, подошла к окну, чтобы задернуть занавеску, прежде чем включить свет.

За окном была унылая пыльная улица, несколько припаркованных машин. Изредка проходили люди – кто спешил по делам, кто неторопливо прогуливался. Пронеслась знакомая мне маленькая старушка с кудлатой собачонкой на поводке.

И только один человек был совершенно неподвижен.

Напротив моего окна стоял, прислонившись плечом к стене, высокий сутулый мужчина в длинном черном плаще. Этот плащ, напоминающий средневековую хламиду, и мятая черная шляпа с опущенными полями придавали ему какой-то подозрительный и несовременный вид, который усиливали черные очки с большими стеклами. Из-за этих очков непонятно было, куда он смотрит, но я не могла отделаться от ощущения, что смотрит он на мое окно.

Меня словно окатило волной холода. Я поспешно задернула занавеску, включила свет и остановилась посреди комнаты.

Да что со мной сегодня происходит?

Почему я так испугалась дурацкого клоуна из примитивной музыкальной шкатулки? Почему сейчас так испугалась этого человека? Мало ли что он здесь делает? Может быть, ждет кого-то или просто убивает время...

Я постаралась отбросить все свои страхи. В конце концов я здесь не одна...

Я вышла в прихожую, открыла дверь квартиры, выглянула на лестницу и окликнула старого продавца:

– Никодим Никодимович!

На мой голос никто не отозвался.

Тогда я робко, медленно спустилась по лестнице.

Как и прежде, каждая ступенька скрипела своим особенным голосом, но сейчас этот скрип не казался мне уютным и успокаивающим – он казался зловещим и настороженным, словно ступеньки переговаривались между собой, замышляя что-то недоброе.

Наконец я спустилась на первый этаж, прошла по короткому коридору и вышла в магазин.

Там было почти темно. Со всех сторон доносились какие-то приглушенные звуки – шорохи, скрипы, потрескивания. Я догадалась, что эти звуки издает рассохшийся паркет и старая деревянная мебель, но все равно не могла отделаться от смутного беспокойства.

В темноте мне показалось, что в дальнем, самом темном углу магазина сидит в кресле человек. Я снова окликнула его – на этот раз тихо и неуверенно:

– Никодим Никодимович!

Темный силуэт не шелохнулся, не издал ни звука. Тишина стала еще более напряженной.

– Что вы делаете в темноте?.. – пролепетала я едва слышно. – Вы пугаете меня!

Тут я увидела на стене кнопку выключателя и торопливо нажала на нее.

Магазин залил яркий электрический свет, поначалу показавшийся мне ослепительным. Впрочем, через секунду мои глаза привыкли к этому свету, и я поняла: то, что в темноте показалось мне человеческой фигурой, было всего лишь темным рабочим халатом, небрежно бро-

шенным на спинку стула, а за голову человека я приняла стоявший рядом небольшой медный самовар.

Никодима Никодимовича не было.

Я еще раз позвала его, затем подошла к двери.

Дверь магазина была закрыта, табличка на ней была повернута соответствующей стороной.

Выходит, старик закрыл дверь и ушел домой, ничего мне не сказав? Возможно, он не хотел мне мешать, но что мне сейчас делать? Как мне выйти из магазина?

Я напредила себе, что не собираюсь сегодня возвращаться домой, что хочу переночевать здесь, в своей новой (с позволения сказать) квартире, но от этого проблема не делалась меньше, а поведение старика оставалось необъяснимым.

На всякий случай я обошла все закоулки магазина, не нашла никого и поднялась к себе наверх.

Кот встретил меня на пороге квартиры и даже потерял об мои ноги – видимо, решил налаживать отношения.

Я заглянула в холодильник и нашла там коробку молока, кусок сыра и полбатона хлеба. Молоко налила в блюдечко и поставила перед котом, а себе заварила чаю.

После чашки горячего чая я немного успокоилась и решила устраиваться на ночлег.

Я разобрала постель.

Простыни оказались совершенно чистыми и даже пахли зимней свежестью и лавандой. Я улеглась, уютно укрылась одеялом и выключила свет.

Я думала, что на новом месте не смогу заснуть, однако усталость и множество впечатлений сделали свое дело, и я почти сразу провалилась в глубокий, черный колодец сна.

В этом черном колодце мелькали какие-то цветные пятна, яркие искры света, иногда они складывались в незнакомые лица. Чаще других возникало грубо размалеванное лицо клоуна, лицо с влажными ярко-красными губами...

И вдруг так же неожиданно, как провалилась в сон, я вынырнула из него.

В первый момент я не могла сообразить, где нахожусь.

Незнакомая, непривычно мягкая кровать, не раздастся рядом самодовольный храп мужа...

Ах, ну да, вспомнила я, ведь я осталась ночевать в квартире над магазином...

События минувших двух дней разом нахлынули на меня, я вспомнила и посещение нотариуса, и жалкий магазинчик, доставшийся мне в наследство от несуществующей тетки, и старого продавца, и черного человека за окном...

И тут я услышала какие-то странные звуки.

И осознала, что эти-то звуки и разбудили меня.

В комнате, совсем рядом со мной, кто-то был. Кто-то тихо переступал по рассохшимся половицам, потом что-то осторожно передвигал, переставлял. Затем раздался негромкий скрип, словно повернули ключ в замочной скважине.

Я затаила дыхание, похолодев от страха.

И хотя я действительно похолодела, тело мгновенно покрыл липкий пот, я хотела подать голос, окликнуть того неизвестного, кто хозяйничал в моей комнате, но от страха лишилась голоса.

Тогда я осторожно, стараясь не скрипнуть старыми пружинами, спустила ноги с кровати, встала, шагнула вперед, выбравшись из темной пещеры алькова...

Комната была слабо освещена льющимся через окно неверным лунным светом. При этом свете, искажавшем все пропорции, она казалась куда больше, чем днем.

И при этом неверном свете я увидела человеческую фигуру.

Кто-то, повернувшись ко мне спиной, рылся в ящике комода.

Как ни была я испугана, краем сознания я отметила кое-что важное: он выдвинул средний ящик, тот, который я не смогла открыть, потому что он был заперт.

Я застыла, закусив губу, чтобы не закричать, чтобы не выдать себя невольным возгласом.

Но тот человек все же почувствовал мое присутствие: он выпрямился, задвинул ящик комода и начал медленно поворачиваться в мою сторону. В самой его позе, в том, как медленно, неторопливо он оборачивался, чувствовалась угроза.

Мне стало страшно, так страшно, как бывало только в далеком детстве, когда в темной комнате мерещилось какое-то невидимое и неведомое зло...

Я вскрикнула, попятилась, заметалась по комнате, споткнулась, зацепившись ногой за ножку стула, и упала лицом вниз.

Так я лежала, боясь пошевелиться, и только всхлипывала от страха. А ночной незнакомец приближался ко мне, я слышала его шаги, слышала тяжелое, хриплое дыхание...

И эти тяжелые шаги, и это дыхание внушали мне ужас.

Вот он остановился надо мной, наклонился...

Я вжалась в пол, зажмурила глаза, как в детстве, как будто это могло спасти от всех ужасов ночи...

И это действительно помогло.

Я провалилась в бездонную черноту беспамятства, как будто укрылась там от ужасной реальности.

И скоро, совсем скоро пришла в себя.

В комнате было светло, давно наступило утро. Я лежала в своей постели – точнее, в постели своей загадочной тетки. В комнате, кроме меня, никого не было.

Я вспомнила ночной кошмар, вспомнила хозяйничавшего в комнате незнакомца.

Что это было – удивительно реальный сон или действительность?

При свете дня комната казалась милой и уютной, и мне хотелось верить только в хорошее. Наверняка это был сон, страшный, неприятный, но всего лишь сон.

Действительно, если бы ночное происшествие имело место быть на самом деле, а не приснилось мне, как бы тогда я оказалась в своей (точнее, в теткиной) постели?

Убедив себя в этом, я бодро прыгнула с кровати, прошлепала босиком в обнаруженный накануне закуток, чтобы принять душ.

Правда, по дороге я на секундочку задержалась возле комода и подергала средний ящик. Тот, в котором ночью рылся человек из моего сна. Как и вчера, ящик оказался заперт.

Это окончательно убедило меня, что ночное приключение мне приснилось.

Но, когда я встала под душ, меня ждал маленький, но неприятный сюрприз: на ноге чуть ниже колена я заметила свежую ссадину.

И тут же вспомнила, как ночью, бегая в темноте, зацепилась ногой за стул. Тогда я почувствовала боль в этом самом месте...

Но ведь я убедила себя, что это был сон – а разве сон может оставлять после себя такие отметины?

Не буду, не буду думать об этом! Может быть, когда-нибудь потом... – И я повернула краны на полную катушку.

Душ был сильный и горячий, и после него я окончательно приободрилась и забыла ночные страхи. Достала банку молотого кофе, поставила на плиту красивую медную джезvu и подумала, что нужно сходить за продуктами – на одних сухариках с кофе долго не продержишься.

Тут явился Казимир и принялся, громко мурлыкая, тереться об мои ноги. Намек был понят, и я налила ему молочка.

Так мы с ним уютно завтракали.

Было чудесное утро, солнце ярко светило в окна, на столе передо мной стояла чашка кофе, и я никуда не торопилась – в общем, жизнь была если не прекрасна, то вполне терпима.

И тут в дверь квартиры кто-то деликатно постучал.

Я вздрогнула. В первый момент мне полезли в голову какие-то страхи, снова вспомнился ночной гость... но в этом солнечном настроении не было места страхам. Я здраво рассудила, что, скорее всего, это Никодим Никодимович, встала и открыла дверь.

Я не ошиблась, это действительно был старый антиквар.

– Ну, как вы спали на новом месте? – осведомился он, оглядев меня с ног до головы.

– Спасибо, все замечательно! – ответила я почти искренне.

В самом деле, не рассказывать же ему о своем ночном приключении, которое то ли было, то ли просто приснилось мне.

– Выпьете со мной кофе? – предложила я.

– С удовольствием! – Старик сел за стол напротив меня, заметил кота, который улегся возле моих ног, и проговорил: – Я смотрю, с Казимиром вы уже подружились!

– Да, он замечательный котик...

Я хотела что-то еще сказать про Казимира, но вдруг у меня с языка сами собой сорвались совсем другие слова:

– Никодим Никодимович, а сюда ночью никто не может войти?

– Что вы, Тосенька! – Он взглянул на меня удивленно. – Перед уходом я запираю магазин на все замки, да и дверь вашей квартиры тоже заперта... а что – вас что-то беспокоит?

– Да нет, ничего... просто одной здесь ночью немного неуютно. Но это так, ерунда... вот еще что я хотела у вас спросить. Вы не знаете, как открыть средний ящик этого комода?

– Понятия не имею, – Он пожал плечами. – Хотя сейчас я припоминаю, что Валерия Львовна иногда открывала его ключом, но где этот ключ, я не знаю... а что, вас что-то интересует?

– Да вот я думала, что найду там какие-то вещи или документы, которые помогут мне лучше узнать, каким человеком была Валерия Львовна... то есть тетья... я ведь ее совсем не знала!

– Она была замечательной, удивительной женщиной! – Старик поставил свою чашку, чтобы она не мешала ему жестикулировать. Лицо его порозовело, глаза засияли, он даже, кажется, помолодел. – Знаете, как настоящий, подлинный старинный артефакт отличается от дешевой современной поделки, так Валерия Львовна отличалась от большинства женщин!

Осознав собственные слова, он смутился и постарался исправить впечатление:

– Извините, Тосенька, я не хотел сказать о вас ничего плохого. Вы ведь в конце концов ее родственница... я только хотел сказать, что в ней был такой настоящий аристократизм, который не встретишь в наше прагматичное время...

«А ведь старичок-то, пожалуй, был влюблен в мою тетушку!» – невольно подумала я и тут же отметила, что впервые – пусть только мысленно – назвала эту женщину, которую не видела ни разу в жизни, своей тетушкой.

Да, он так оживился, заговорив о ней, что я убедилась: он и правда был в нее влюблен. А значит, не расскажет мне о покойной тете ничего интересного.

Дело в том, что я давно заметила: если мужчина неровно дышит к какой-то женщине, он ее совершенно не видит, у него на глазах розовые очки, и все, что он может сказать о предмете своей страсти, что она – само совершенство, лучше ее нет на свете. А попробуйте спросить у него хоть какие-то подробности, и он онемевает, как рыба. Иногда даже цвет глаз не сможет вспомнить.

Женщины в этом плане совсем другие: они хорошо видят своего избранника и могут много о нем рассказать...

Впрочем, что-то я отвлеклась.

А Никодим Никодимович все заливался соловьем, расхваливая покойную. Валерия Львовна то, Валерия Львовна се... и одевалась-то она с удивительным вкусом, и в людях разбиралась как никто другой... надо же – и правда, любви все возрасты покорны!

Улучив паузу в его восторженном монологе, я задала важный вопрос:

– А вы когда-нибудь видели кого-то из ее родственников?

Старик на мгновение задумался, должно быть, этот вопрос поставил его в тупик.

– Да нет, пожалуй... не видел и не слышал, чтобы она о них говорила. Только в самое последнее время, незадолго до смерти, – он печально вздохнул, – она сказала, что у нее есть племянница, то есть вы, и что вам она завещает все свое имущество...

Он недолго помолчал, затем снова заговорил:

– Вообще последние годы Валерия Львовна жила очень замкнуто, почти не покидала квартиру и магазин...

При упоминании магазина он взглянул на часы и всполошился:

– Ох, уже без пяти десять, пора открывать! Спасибо вам за кофе...

Я помыла посуду и от нечего делать тоже спустилась в магазин.

Не знаю, почему уж Никодим Никодимович так спешил его открыть – возбужденные покупатели не ломались в двери, честно говоря, в магазине, кроме него самого, не было ни души. Сам он сидел на высоком табурете за стойкой и рассматривал через лупу какую-то монету.

– Взгляните, Тосенька, – проговорил он, увидев меня. – Это настоящий австрийский грош конца восемнадцатого века. И в очень неплохом состоянии.

Старые австрийские гроши меня не очень интересовали. Впрочем, новые тоже.

Я от скуки еще раз обошла магазинчик и убедилась, что ничего интересного ни на полках, ни в витрине не наблюдается. Так что на неожиданный наплыв покупателей рассчитывать не приходится.

А вот интересно, на что жила моя тетка, если этот магазин не приносит никакой прибыли? А ведь за него наверняка приходится платить какие-то налоги и коммунальные платежи, да и Никодим Никодимович работает здесь не за просто так...

За время своей недолгой – и неудачной – работы бухгалтером я успела понять, что существование коммерческой фирмы, будь то магазин или оптовая контора, стоит довольно больших денег, независимо от того, приносит фирма доход или только расходы. Так что позволить себе владеть убыточной фирмой может только обеспеченный человек.

В общем, загадочная история...

Мне уже надоело слоняться по магазину, и я хотела уйти, но тут Никодим Никодимович оторвался от своего австрийского гроша и обратился ко мне:

– Тосенька, не могли бы вы побыть в магазине? У меня есть кое-какие дела, и я хотел на часик отлучиться.

Я собралась было ответить, что у меня тоже есть дела, но что-то меня удержало. Ведь, как ни крути, этот магазин теперь мой, и Никодим отнесся ко мне очень душевно, так что я должна хоть чем-то его отблагодарить.

– Хорошо, – согласилась я против своей воли. – Но если появится покупатель, я ведь даже не знаю, что ему предложить.

– Ну, Тосенька, вы, наверное, заметили, что покупатели у нас появляются нечасто. – Он деликатно усмехнулся. – Если же такое чудо случится – пусть покупатель ходит, посмотрит. Если ему что-то понравится – пусть покупает, ценники на каждой вещи имеются. Вы умеете обращаться с кассовым аппаратом? Чек пробить сумеете?

Вот уж что-то, а пробивать чеки я умею отлично. Иногда по ночам мне снятся кассовые аппараты разных моделей – современные электронные и старые электромеханические. Так что я успокоила Никодима Никодимовича на этот счет, и он отправился по своим делам.

А я осталась в магазине за старшего. Ну, заодно за младшего и за всех остальных.

Как только дверь за Никодимом закрылась, тишина магазина опустилась на меня, как тяжелая бетонная плита. Или чугунная – мне без разницы. Мне стало неудобно, одиноко и как-то страшновато. Казалось, что наполняющие магазин старые вещи исподтишка наблюдают за мной, внимательно и недобро следят за каждым моим жестом, за каждым движением.

В глубине души я понимала, что мне здесь ничего не грозит, но эта тихая, гнетущая атмосфера пустого магазина действовала мне на нервы. Я даже запела, чтобы как-то разрушить мрачную тишину, но собственный голос показался мне до того робким и испуганным, что я тут же замолчала.

Оглядевшись по сторонам, я увидела на стене допотопный радиоприемник – так называемую трехпрограммную радиоточку. Я включила радио, чтобы живой человеческий голос разрушил гнетущую тишину магазина.

Но из приемника донесся леденящий душу голос:

«Вдруг среди тишины с треском лопнула железная крышка гроба, и поднялся мертвец. Еще страшнее он был, чем в первый раз. Зубы его страшно ударились ряд о ряд, в судорогах задергались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинания. Вихорь поднялся по церкви, с грохотом попадали на землю иконы, полетели сверху вниз разбитые стекла окошек. Двери сорвались с петель, и несметная сила чудовищ влетела в божью церковь. Страшный шум от крыл и от царапанья когтей наполнил всю церковь...»

Господи, вздрогнула я, да что же это такое! Что они, смерти моей хотят?

Быстро выключила приемник и только тогда вспомнила школьные уроки литературы и догадалась, что по радио читали повесть Гоголя «Вий». Свекровь вечно слушает по радио, как старые артисты слишком правильным языком, с неестественным выражением читают классику. Даже я за это время поднатаскалась.

Ну, в любом случае это не то, что мне нужно в моем теперешнем настроении!

И тут дверь магазина скрипнула, и негромко звякнул дверной колокольчик. Нервы мои были так напряжены, что я едва не вскрикнула от неожиданности, но тут же сообразила, что появился долгожданный покупатель, и облегченно перевела дыхание: все-таки я буду здесь не одна. Хотя бы какое-то время.

Повернувшись к двери, я увидела не одного покупателя, а целых двух. Правда, выглядели они довольно странно.

Впереди шел низенький человечек с круглым, удивительно гладко выбритым лицом и крохотными, близко посаженными глазками. У него были маленькие, как у ребенка, ручки и ножки, к лицу как будто приклеилась глуповатая улыбка.

Зато второй, тот, что шел следом, был его полной противоположностью: высоченный, худой, сутулый, облаченный в длинный черный плащ и черную шляпу с опущенными полями. Дополняли его облик большие черные очки, закрывающие половину лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.